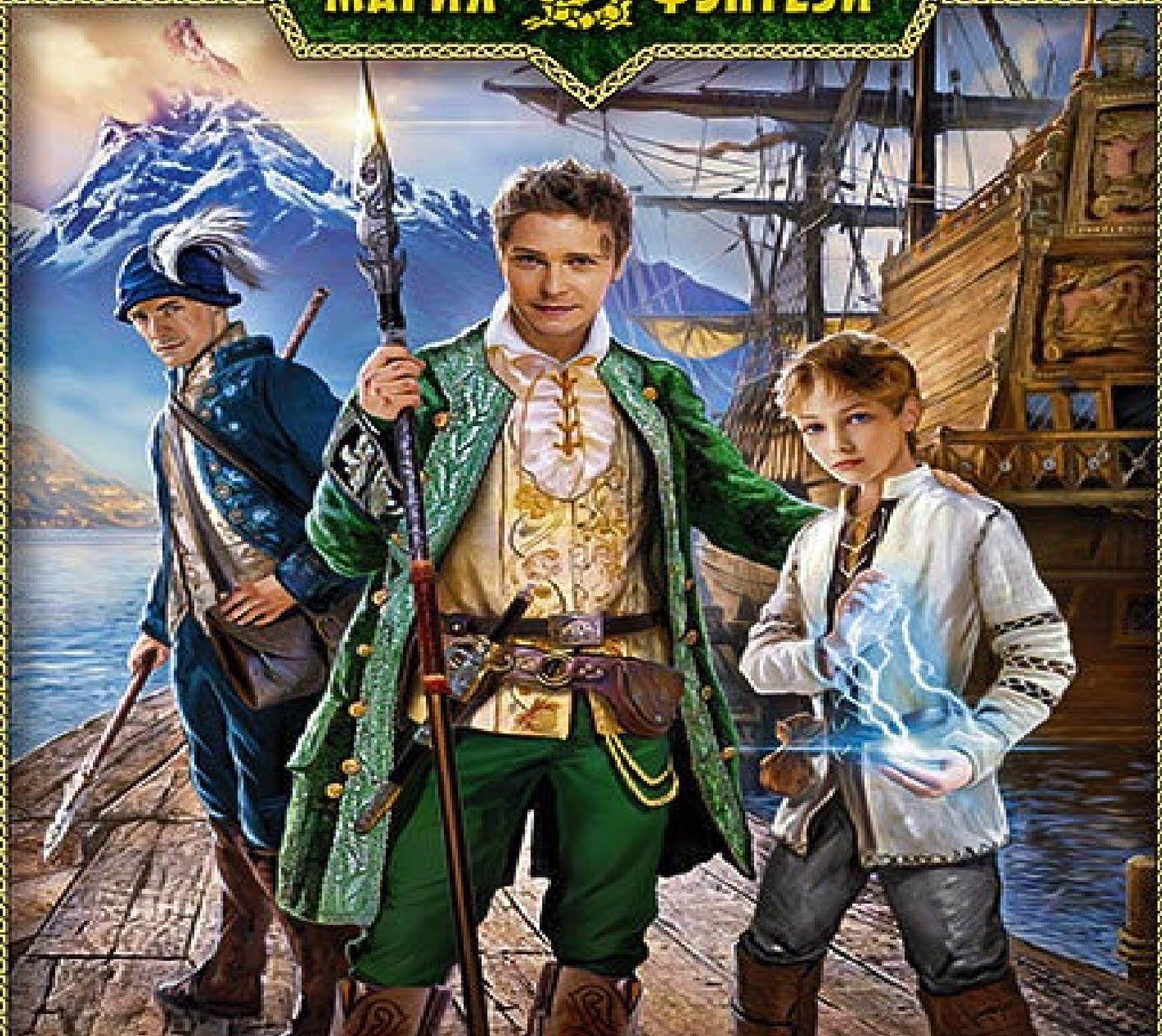

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Владимир БЕЛОБОРОДОВ

ХРОМОЙ. ИМПЕРИЯ РАБСТВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

Мир, где наряду с людьми живут орки, эльфы и экзотические звери. Мир, где царит магия, клинок и рабовладельческий строй. Вот именно последний фактор очень влияет на судьбу молодого инженера из нашего мира. Нет, он не рабовладелец, он раб. Побег. Рабство. Снова побег. Рынок невольников. Рабство у орков. Опять побег. Сможет ли он выжить? Сможет ли он обрести долгожданную свободу? А если сможет, то кем он станет? Купцом, селянином или мелким, вечно голодным воришкой? А может, его ждет иное будущее?..

Владимир Белобородов

Хромой. Империя рабства

© Белобородов В. М., 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Я ненавижу орков! Я ненавижу степь! Я ненавижу проклятую жизнь! Но больше всего я ненавижу людей! Нет, правда. Нет сволочнее создания, чем человек. Мы сами своей разобщенностью, жадностью, глупостью и, как ни парадоксально это слышать от ненавидящего, ненавистью опускаем себя в испражнения. Орки логичны и, несмотря на свою кажущуюся дикость, более сплочены, чем люди. Орк никогда не будет держать в рабах орка, он лучше убьет его – это достойнее. Я ненавижу людей даже больше, чем орков и все остальное. У меня были в этом хорошие учителя. Если бы моя воля, я бы уничтожил всех людей, а потом – орков. Пусть живут какие-нибудь инфантильные эльфы.

Наверное, нужно объяснить. Я – раб. Нет, не у людей. Я раб орков. Вот уже восемь местных лет я раб. Почему так ненавижу людей? Ну вы даете! Настолько невыносимые условия создают не орки и не проклятая степь, орки не могут такое создать. Настолько невыносимые условия создают люди! Вы думаете, оркам интересно, кто из нас пойдет сегодня пасти хрумзов, а кто – будет унижаться, убирая фекалии? Нет. Им совершенно по колено. Это решаем мы. Вернее, не так, это решают те, кто умело смог облизать зеленомордых выше пяток, конечно, в переносном смысле, но поверьте мне – это недалеко от истины.

У тех, кто решает, привилегии. Они едят, выбирая из котла лучшее. Да о чем я! Они зачастую заставляют готовить для себя. Конечно, не мясо, хотя, бывает, его кусочки даже у нас попадают. Они имеют рабынь раз в руки. Руки – это местная неделя, которая длится, как ни удивительно, десять дней. Но я отвлекся... Итак, о них. Это наиболее физически сильные из нас, которые смогли взять главенство в торбе. Они наблюдают за нами. Они решают за нас. Они пересчитывают нас утром и вечером. Они наказывают нас, если этого не сделали орки. Они пытаются убить, если что-то грозит их иллюзорной и смешной власти. Они твари, хотя зовутся кормами. Можно подумать, что я завидую им. Но это не так. И я и они – рабы! Ни более ни менее.

Позвольте представиться – Хромой. Почему? Догадайтесь с трех раз. Конечно! Потому что хромаю. Я попал в рабство в двенадцать лет. Нет, не к оркам – к людям. Но через два года был продан за постоянные попытки бегства. У орков, в этой безжизненной высохшей степи, я не оставил своих попыток. Сначала получал наказания от кормов. Надо признать, жестокие наказания. Но после очередного побега меня решили наказать орки. И пригласили для этого... шамана.

Я думал, он наложит на меня заклятие верности, как на хрумзов. В страхе перед порабощением разума, безумно извиваясь, я старался вывернуться из веревок, сдерживающих меня. Но старый орк, несмотря на свой неряшливый вид и наряд из шкур местных сусликов, который в другое время показался бы смешным, был мудр и не настолько бесчеловечен. Нет, действительно мудр. Я бы не додумался до такого. Он молча и равнодушно нанес мне своим гротескным и невероятно увесистым жезлом удар по ноге. И все... Дал указания сместить мне кость и так наложить шину. Итак, теперь я – Хромой. Теперь сбежать практически невозможно. Моя скорость невероятно низка. Трудоспособность, конечно, тоже пострадала, но меня можно использовать на работах, не требующих подвижности. Я выбрал уборку за хрумзами. Почему выбрал? А вы попробуйте переубедить упертого барана, который

ненавидит всех вокруг, не боится смерти и, как кажется окружающим, кайфует от боли, при этом готов убить. У вас созрел следующий вопрос? Почему такой? Потому что я не отсюда. Когда я попал сюда, я хотел сдохнуть, и постепенно это стало моей натурой. Я – попаданец!

– Хромой, тебя сегодня Корявый к дикому хрумзу хочет направить. – Клоп присел рядом со мной.

– Да и... духи им сзади.

Вообще Клоп был интересным парнем, наивным донельзя и очень здоровым. Его привели месяц назад. Изначально его притянули к себе кормы из-за его внушительных размеров, но после того, как они ловко облапошили его на потрепанную кожаную куртку, он, мягко говоря, ушел от них. Правда, перед этим знатно разбил одному рожу. Сейчас шел период выжидания, кормы так просто не оставят такого, но и убить в открытую не могут – орки не поймут, имущество все-таки, – поэтому кормы будут искать удобного случая. Клоп знал это, но, по-моему, не очень переживал.

– А тебя куда? – спросил я, полулежа на бревне и нежась в лучах весеннего солнца.

– На землянки.

– Могут попробовать.

– Да знаю я.

Через пару рук настанет Праздник тепла, день главного духа орков – духа войны Карлана, неважнецкий для рабов праздник. Будем биться друг с другом на потеху оркам и пытаться оседлать дикого хрумза. Гладиаторов среди нас нет, поэтому, наверное, действительно смешно смотреть со стороны. Но сейчас не об этом. На праздник приезжает множество представителей племен, они привозят с собой множество рабов для развлечения и жертвы, а последним надо где-то жить. Вот и приходится обновлять прошлогодние осыпавшиеся землянки. А там всякое бывает, может и бревно с потолка упасть... как бы.

– Я думаю, они тебя до праздника додержат.

– Не знаю, на праздник рабов поплоше выставляют. Да и решать это не кормам. За себя не боишься?

– Да я уже устал бояться, Клоп. Выставят, значит, судьба такая.

Я действительно имел все шансы сдохнуть на празднике. Орки не люди, они не бахвалились друг перед другом, и так знали цену силе кланов, поэтому выставляли на побоище и потеху рабов поплоше, поскольку те, кто выживет, пойдут в жертву духам, то есть все равно умрут, а терять ценное имущество не хочется никому.

– Неохота, в духа-то.

– Знаешь, на моей родине к этому относились иначе, – попытался я поддержать парня. – После смерти ты уходишь в чертоги к духам, которые и определяют, отправить тебя на вечные муки или на вечные радости, в зависимости от того, как ты себя вел на земле.

– Лучше бы еще пожить давали.

– А ты себя хорошо вел?

Клоп пожал плечами:

– Так, всяко бывало, но подлостей не делал, если уж убивал, то глядя в глаза.

Разговор сам собой затух.

– Хочешь? – Клоп достал маленький грибок из-за пазухи.

– Ого! Где взял?

– Так я тебе и рассказал.

– Конечно хочу, а сам чего ж?

– Кормы. А до вечера испортится.

– А-а, ну да, тебе сейчас нужна реакция. – Я взял у Клопа наркотик.

Можете осуждать, но в том «мягком месте», куда я попал, это радость – забыть на час о реальности и уйти в туман небытия. Хотя «небытия» – это громко и пафосно сказано, мелкие грибы, растущие в степи, давали эффект чуть посильнее алкоголя.

– Держи, потом отдашь. – Я вынул из-под подкладки вышлифованный и заточенный кусок металла.

Клоп тут же спрятал его в штанину.

– Спасибо. Откуда?

– Ты же мне не говоришь, откуда гриб.

– Так Свайла подкинула.

– Клоп, ты находка для корма. Пошли на построение.

Вообще построения раньше не было, это была моя идея, ну вот такой я прогрессор. До этого нас считали на выходе из землянок, которые тут называются ямами. Как-то пару лет назад я, выходя из землянки, пробубнил:

– Еще бы построение устроили и пятерками считали, как в зоне.

На мою беду, сзади шел шептун – думаю, значение этого слова объяснять не надо, – он и преподнес идею кормам.

Построение прошло обыденно, как, впрочем, проходит и все существование здесь. После построения все направились на завтрак, он же и обед. Кстати, очень удобно, не надо собирать рабов и тратить драгоценное время лишней раз.

Наверное, стоит рассказать, как я сюда попал. Это довольно нудноватая история, случаемая в России на каждом шагу, не совсем, правда, в такой интерпретации и с такой концовкой... Может, слышал кто-нибудь, как незадачливые ловеласы после знакомства с сексапильными блондинками-брюнетками очухивались в ванне с вырезанной почкой? Не слышали? Рассказываю.

Мы с Мишкой родом из небольшого уральского города. В какой-то момент решили поехать в Питер на заработки. Вернее, не так, мы поехали покорять северную столицу. До города Петра добрались поездом, изрядно поскучав в дороге. Понятно, что по приезде мы решили это дело отметить и выбрали довольно интересное заведение, клуб «Мани-Хани». Заведение было стилизовано под рок-н-рольное и разительно – для нас, провинциалов, – отличалось от других.

Пройдя досмотр, выразившийся в похлопывании рукавов и штанов охранниками, а также проверку металлоискателем, мы погрузились в ночной мир Питера. Гуляли не очень широко ввиду отсутствия лишних денег, но и на пиво не скупилась. Обстановка для нас казалась нереальной, живой рок-н-ролл, байкеры все в коже. В какой-то момент к нам подсади две довольно милые девахи – Света и Марина, хотя, я так понимаю, с тем же успехом их можно было называть Катя и Изольда или еще как-нибудь. Девчонки оказались очень обаятельными и общительными, не суть важно сколько мы посидели... Угадайте, что было дальше? Ну конечно – девчонки позвали в гости. Ну а наш размягченный алкоголем разум... Кобели, в общем.

Очнулся я в каком-то закрытом помещении, лежа на матрасе. Под потолком светила

тусклая лампочка. Около железной двери стояло ведро и две бутылки с водой. Кирпичных стен никогда не касалась штукатурка, поэтому дизайн комнаты можно было назвать индустриальным. Голова болела от стандартного похмелья, а вот во рту ощущалась непривычная приторная сладость. Я встал и подошел к двери, постучал в нее кулаком.

– Эй, есть кто?

Я не знаток тюремного быта, но почему-то комната, в которой я находился, не ассоциировалась с камерой какого-нибудь правоохранительного учреждения.

– Эй! Кто-нибудь! – постучал я еще раз.

А в ответ, как говорится, тишина. Попытался что-нибудь вспомнить из вчерашнего вечера. Неву помню. Свету помню. Целовались с ней на мосту. Васильевский остров помню. Парк. Дальше не помню.

– Эй! Да кто-нибудь!.. – Голос сорвался.

Отвернув пробку бутылки с надписью «Каргазы», с невероятным удовольствием отпил почти половину – мужики поймут. Дыхание слегка перехватило от газов. Тут же надавило на мочевого пузыря. Ведро явно предназначалось для этого.

Я уже полчаса долбил в дверь ногой и орал. Металл толстый, не гнется. Результатов ноль. Наконец кто-то хриплым голосом приглушенно спросил:

– Леха, ты?

– Мишка!

– Лех, а где мы?

– Да кто его знает. Сам понять не могу.

– Мы что, вчера накуролесили?

– После Васильевского не помню.

Даже через дверь были слышны гулкие звуки глотков, которыми Мишка сопровождал утоление жажды.

– А-а-а! Как хорошо, – вздохнул он. – Ты вырубился в парке от вина, мы с девчонками еще потом сидели, а потом... Вот твари!

До меня тоже стала доходить ситуация, в которой мы оказались.

– Есть идеи, куда мы попали?

– Надеюсь, не в сексуальное рабство.

Мишка было засмеялся, но тут же осекся:

– Ну у тебя, Леха, и фантазии.

– Да какие фантазии, рабочая версия. Могу предложить еще парочку. На органы, например, или...

– Что «или»?

– Да не лезет больше в голову ничего. Могут еще в рабство куда-нибудь в ближнее зарубежье отправить.

– Может, пошутил кто?

– Да я смотрю, у тебя тут куча друзей-шутников.

– Может, те байкеры? С которыми мы немного поругались.

– Может...

Мы замолчали. Слышно было, как Мишка приложился к бутылке с водой, я последовал его примеру.

Через час за дверью послышались шаги.

– Эй! – крикнул Мишка. – Кто-нибудь! Откройте!

За дверью раздался какой-то грохот.

– Отойди от двери к противоположной стене, – произнес мужской голос.

– Выпустите! – крикнул Мишка.

Была слышна какая-то возня, закончившаяся щелчком замка и криками Мишки:

– Тварь! Выпусти нас!

Дверь в мою комнату приоткрылась со скрежетом, образовав небольшую щель, через которую была видна цепь, ограничивающая дальнейшее открытие створки, и лицо в строительном респираторе.

– Отойди к противоположной от двери стене.

Я решил не повторять ошибок Мишки и проверить, что произойдет, если послушаться незнакомца.

– Отвернись лицом к стене.

Я выполнил распоряжение.

Было слышно, как убрали ведро и поставили, видимо, новое. Следом дверь захлопнулась, и шаги стали удаляться.

– Нет, ну вы хоть объясните, где мы? – бросился я к двери.

Топот поднимающихся по лестнице ног был мне ответом. У двери кроме ведра стоял пакет с едой и двумя бутылками воды.

– Твою мать!

– Что там, Леха?

– Еду принесли и воду.

Мишка в этот день остался голодным и до наступления ночи досаждал мне расспросами о том, что было в пакете. На следующее утро Мишка был стоворчивее. Я, наученный его примером, тоже предпочел не выступать.

На третье утро я очнулся привязанным к какому-то столу, а может, и не столу. Видимо, в воде или еде было снотворное. Иначе я просто не мог объяснить, как здесь оказался. В глаза бил свет лампы, в вене торчала игла капельницы.

– Очнулся. Молодец, – раздалось за изголовьем.

– Где это я?

– Послушай меня, не перебивай, – произнес все тот же мужской голос, – тебе это пригодится. Понимаю, что сразу не поверишь, но потом это поможет тебе сориентироваться и не паниковать.

Надо мной наклонилось лицо в респираторе.

– Сейчас ты окажешься в другом теле, в другом мире. В том мире ты тоже кем-то был, советую не говорить по-русски, а изобразить амнезию и попытаться найти ближайшие поселения. Может, тебя кто-то узнает и тебе будет проще.

Пока он говорил, успел проверить реакцию моих зрачков на свет и добавил скорость капельницы.

– Зачем мне туда? – Я решил втянуть сумасшедшего в разговор.

– Тебе незачем. Мне нужны знания оттуда, знания о магии. Да, тот мир с магией, и мне нужны люди оттуда. А твое тело – просто сосуд для разума. Так что...

Его голос постепенно стал отдаляться, и о дальнейшем пребывании в своем мире я

ничего не помню.

Глава 2

– ...Хромой – к дикому хрумзу. – Монотонный голос корма вывел меня из задумчивости. – Маркон, Заурик, Мелкий, Слоп – на строительство арены. Клоп, Блоха, ну и для полного комплекта насекомых Жук – строить ямы.

Видимо, кормы посчитали это смешным. Первое время все действительно смеялись над этим назначением, но за последний месяц приелось.

– Остальные едут за бревнами. Едете на два дня, поэтому одеяла и горшки с собой.

Орк, наблюдавший за распределением, рыкнул что-то удовлетворенно на своем языке и ушел.

Как и сказал Клоп, меня распределили на работы к дикому хрумзу. В пару мне поставили Ларка. Я чуть не застонал от обиды. Видимо, кормы действительно решили меня угробить. Хуже напарника даже представить сложно. Забитый, мелкий, слабый, но, главное, трусливый пентюх – это, наверное, самая верная, хотя применительно к нему мягкая характеристика тщедушного помощника. Ларка пинали все и всегда, в первую очередь за кривые руки. Дня три назад попросил его горшок с кашей передать, так он на меня его же и вывалил. Весь! Как можно из горшка вывалить всю кашу?! Даже если специально – надо постараться. Мало того что я на стирку попал, так еще и каши лишился. Только я хотел попытаться забрать его горшок, как он, догадавшись о моих намерениях, смачно плюнул в него. После ужина я, конечно, отблагодарил его и заставил стирать, благо кормы чистоплотность поощряли и позволяли набирать сколько угодно воды, но голодным я в тот раз все равно остался.

– Коряк, дай кого другого в помощь. К дикому же иду.

– Нет больше никого, не видишь, к празднику подготовка идет. А этого все равно некуда пристроить, так что забирай.

– Блин, ну дай вон Старого хотя бы, а этот пусть вместо него идет.

– Старый за бревнами поедет. Там орки в сопровождении. А этот снова чего нагадит, или уснет, или под бревно попадет, мне потом отвечай за то, что его послал. Нету никого, я сказал!

Хрумзы довольно интересные животные. Этакая смесь яка и льва. От яка был рост, выносливость и лохматость, от льва – лапы и нос. Рогов у хрумзов не было, но были небольшие клыки. Я уж не знаю, как так на них извратилась эволюция, при всем своем виде они должны были быть хищниками, хотя ели траву, вернее, листву, правда, мясом тоже не гнушались, однако сами, со слов Толикама, не охотились. Характер у этих тварей был мерзопакостным. В клетки они пускали, но вот там могли и прикусить или, что еще страшнее, ударить лапами, если им что-то не понравится. А не нравилось им все, в особенности расчесывание задней части. Толикаму, довольно знающий и образованный по местным меркам мужик, рассказывал, что сейчас диких хрумзов не бывает. Те, которых так называют, родились от обычных домашних хрумзов, но их не смогли привязать к хозяину.

Процесс привязки проходил каждый хрумз, иначе с ним сладить было невозможно. Привязывал их шаман к определенному орку, после чего хрумз позволял садиться на себя только ему. В случае смерти хозяина убивали и хрумза, так как толку от него было ноль – он

все равно вскорости умирал. Нет, не от тоски – было у меня подозрение, что хрумзы, мягко говоря, не очень любят своих хозяев, – они умирали от магии привязки. Хрумзы были у орков вроде смеси «мерседеса» и бронетранспортера, элитные скакуны для боевых действий. На черной же работе использовали лошадей. Пород этих безобидных животных в этом мире было множество – маги постарались, но сейчас не о них.

Дикий хрумз. Это отдельная песня. От него можно было ожидать чего угодно. Домашние после привязки хоть и имели скверный характер, но убить не пытались. Дикий – мог. Не знаю, стал бы он охотиться на воле, но на рабов... Думаю, все-таки Толикам ошибается насчет того, что они не охотились. Я видел на прошлой неделе руку одного бедолаги, не помню, как зовут, он прибыл недавно вместе с Клопом. Так вот, мне кажется, несмотря на не очень убедительные потуги шамана, он уже не сможет ею полноценно владеть.

К загону с диким я подходил с опаской. Что бы я ни говорил Клопу, а от этого зверя можно было и кусками выйти. Ларк, сжавшись, шел следом, помнил еще кашу, сволочь.

Сам загон представлял собой крытый бревенчатый сарай с шлюзовым входом – как на родео. Собственно, это практически оно и было. Крытый загон делали только для диких хрумзов, так как они могли и перелезть через ограду в случае необходимости. В нашу задачу входило накормить, напоить, выгрести навоз и самое опасное – вычесать животное. С учетом того что два дня назад его пытались в третий раз привязать, а процедура, видимо, для них не самая приятная, думаю, травмы нам, вернее мне, обеспечены. Удобно быть Ларком – бейте меня, ругайте меня... я все равно ничего не умею.

В нос пахло прелой листвой и навозом. Не самый приятный, но терпимый запах. Мне иногда он даже нравился больше, чем амбре в наших землянках.

– Чего встал, – рыкнул я на напарника, – иди воду носи.

Ларк, взяв деревянное ведро, поплелся в сторону колодца. Хоть какая-то от него польза, до колодца далековато ходить. Я пошел таскать свежесрезанные ветки.

Хрумз медленно подошел к кормушке, понюхал листву и, фыркнув, отошел.

– Чего, не нравится? Ну, брат, уж что есть. Ты молодец, устоял перед орками.

Ну надо же как-то контакт устанавливать со зверем. Я понимаю, что он меня не понимает. Может, хоть тон успокоит, поласковой будет, не съест сразу...

– А я вот не смог. Сломался. Пашу на них. Но и ты не радуйся – придет день Карлана, это праздник такой, они тебя на арену выпустят. Одно точно, – я присел у изгороди шлюза, разделяющей нас, – если ты и умрешь, то умрешь героем. Наверное, другие хрумзы будут о тебе легенды слагать. А вот обо мне вряд ли.

Хрумз подошел к изгороди и издали понюхал мое плечо, потом, осмелев, подошел ближе, принюхиваясь. Я протянул ему ладонь, готовый в любой момент отдернуть руку. Теплый большой нос коснулся пальцев. Фыркнув, хрумз отошел, оставив на ладони влажный след.

– О, вон наш водонос идет. Ты, наверное, пить хочешь, брат? – В поилке вода была на самом дне. – Сейчас налью. Потом схожу, может, каши тебе выпрошу.

К хрумзам, в отличие от нас, относились по-особому. Если они отказывались есть листву, что случалось регулярно, им выдавали по полведра каши из смеси местных злаковых. Дабы у рабов не было соблазна съесть ее, каждый раз, когда наступала надобность, нас сопровождали кормы.

В землянке кормов был лишь Старис. Между собой мы называли его одноглазым, ну, собственно, он и был такой. Но в глаза, вернее, глаз этой потрепанной рабством горе мышц никто не смел такого сказать.

– Стар, – произнес я, когда глаза привыкли к темноте, – дай каши хрумзам.

– Кто опять не ест?

– Дикий.

– Так ему все равно скоро на арену, пусть поголодает, злее будет.

– Мне его расчесать надо.

– Хо-хо. Эк тебя сегодня сунули. Нечего зубы скалить, чего тебе не живется, как всем?

– Дашь?

– Ну пойдём.

Старис был бы, наверное, неплохим парнем, если бы он не был кормом. Мы дошли до сарая, служившего кладовой припасов для рабов и хрумзов, а заодно и кухней. Корм открыл замысловатый с виду замок ключом. Я не являюсь великим специалистом по взлому, но однажды, когда ключ теряли, а наш ужин находился внутри, вскрывал его щепкой, больно уж топорно сделан. Хотя с другой стороны – там только крупы, на которые могут позариться лишь рабы. А рабам к этому строению без сопровождения кормов подходить было нельзя.

– Держи! – Старис вытащил ведро.

– Она же вчерашняя!

– А ты что думал, я готовить брошусь? Бери и хромай отсель, пока пинков не надавал.

Я исподлобья глянул на него. И я и он понимали, что пинать меня он не будет. Я уже раз втыкал найденный гвоздь в корма за подобное. Потом, конечно, выхватил палок, но и корма тогда шаману лечить пришлось.

– Ну! – рыкнул он. – Я с тобой не пойду. Доверяю.

Еще бы не доверял, на второй день каша на запах, как и на вкус, была хуже содержимого нужника, поэтому есть ее не то что рабы, хрумзы не хотели. Поняв, что другой каши он мне не даст, я, слегка перекосившись от тяжести ведра, побрел к загону.

Кашу хрумз есть отказался. Ларк тоже. Была мысль вывалить это ведро на уши последнему, но как-то я поостыл. Мы с Ларком сели в шлюзе так, чтобы было видно выход. Рвать жилы ради работы у рабов в этом мире было как-то не принято.

Я же недорассказал, что было со мной дальше, после того как я попал сюда. Очнулся по всем канонам жанра в лесу, с дикой головной болью. По тем же канонам – в теле парня лет двенадцати. На этом совпадения с попаданческими романами заканчивались. Не маг, не воин, не княжеский сын. Судя по одежде – деревенский парень. Часа четыре я прыгал и матерился. Злоба, сука, была дикая. В выражениях я не стеснялся, благо зрителей не было. Кулаки, ну как кулаки – кулачки молотили в бессилии воздух. Потом успокоился. Вспомнил слова этого придурка. В моем положении его совет показался дельным. Так и решил действовать. Пошел по еле заметной тропинке. Вскоре стало темнеть. Увидел огни костров, ну нет бы присмотреться, хотя в том моем положении... Я шел-то как во сне.

Они улыбались, что-то спрашивали, я мычал в ответ, мол, говорить не умею. Они накормили меня, осмотрели. Один с ехидной рожей все щупал мои руки. Даже в рот пытался заглянуть. У меня тогда закрались какие-то недобрые предчувствия. Идиот, не прислушался – оказалось, караван работоторговцев. Не знаю, может, подзаработать решили, может, подход один из рабов и заменить надо было, но только связали меня утром, сунули кляп в рот, зарыли в

тряпки на телеге и увезли. Потом, перед рабским рынком, пришел маг и ткнул мне печать на висок. Вот и все.

Сначала был рабом у хозяина корчмы. Чего дураку не жилось? Почти не били. Жрать вволю. Работа хоть и грязная, но не слишком тяжелая. Нет же, все убежать пытался. А куда бежать, если у тебя на роже штамп магический поставлен? И вывести это украшение не представляется возможным, потому как магия. Побегав несколько дней в лесу, выходил к людям. Конечно, не все так поступали, но всегда находился «доброжелатель», который вылавливал меня и сдавал в местную полицию, за местные тридцать сребреников, а то и меньше. А стража помещала в центральный загон. Где я с восторгом дожидался, пока меня не выкупит хозяин.

После третьего побега корчмарь продал меня. Дальше был хозяин сапожной мастерской, потом местный полумаг с извращенными желаниями, которому я воткнул вилку в ногу в первый же день. Тот меня и продал оркам. Вот как-то так сложилась моя судьба в этом гребаном мире.

– Корм, – прошептал Ларк.

Мы встали и начали делать вид, что работаем. Одноглазый постоял в воротах, наблюдая, как Ларк выливает воду в поилку, а я подкладываю ветки.

– Если не ест, чего листву переводишь?

– Я к голодному не полезу. А эту кашу есть он не станет.

Ларк проскользнул с ведром мимо корма и почти побежал к колодцу.

– Ну-ну. Сами бы хоть поели. – Он явно стебался. – Когда еще столько перепадет.

Я отвечать не стал, разругаться с ним плевое дело, а новую кашу он все равно не даст. Молча перекрыл внешние ворота шлюза и открыл внутренние, проковыляв к кормушке, вылез через нее. Одноглазый, видя отсутствие реакции на его искрометный юмор, потоптался еще у ворот и ушел. Хрумз в шлюз идти не хотел, а нам надо было вычистить загон. Ни свежие ветки, ни попытки постучать по стенам в надежде, что он испугается, не принесли результата. Попрыгав вокруг загона, мы присели у ворот.

– Может, ветки не в сам загон надо было? – высказался Ларк.

Советчик, мать твою! Ларк раздражал своей пронизательностью.

– А то я не догадался! Где ты раньше был?

– За водой ходил.

– Вот... – И сказать-то ему было нечего.

– Хрумз, – прошептал Ларк.

Я осторожно оглянулся, дикий принюхивался, стоя в шлюзе. Поднявшись без резких движений, я доковылял до боковой калитки и протиснулся в загон. Стараясь не шуметь, потихоньку дошел до внутренних ворот и резко попытался их закрыть. Хрумз прыжком развернулся и, встав лапами на жерди ворот, остановил их в десяти сантиметрах от столба. С одной стороны, было страшно, с другой – во мне проснулся некий азарт. Я всем телом навалился на ворота, но они не поддавались – тяжелая туша зверя, перекосив, прижала их к земле. Я резко выкинул руку между жердей и шлепнул его ладонью по носу. Хрумз отпрыгнул, едва не уронив меня вместе с хлипкой конструкцией. Быстро накинув веревочную петлю, я вздохнул с облегчением: попался.

У дикого не чистили очень давно, поэтому работы нам с Ларком хватало как раз до ужина, учитывая отсутствие рвения. Пару раз появлялся Одноглазый, проверяя, чтобы мы не

бездельничали. Оба раза его вовремя замечал Ларк, он безумно боялся гнева кормов, и мы успевали изобразить видимость работы. Хотя какая-то польза. Кстати, боялся он небезосновательно. Кормы частенько над ним измывались за какие-нибудь мелкие провинности. Поймали уснувшим днем – ночью заставили стиркой заниматься, отдохнул ведь. Заметили, что из котла кашу с боков после ужина соскребают, – он полночи один их чистил. В общем, его взаимоотношения с кормами чем-то напоминали дедовщину в армии. Только для Ларка это была вечная дедовщина. С одной стороны, его было жалко, с другой – сам виноват.

Если честно, минуты безделья радовали, но в то же время это были самые долгие минуты, по крайней мере, для меня. Я вспоминал дом, маму, отца. Тоска накатывала волной. Знаете, что самое поганое в рабстве? Что отличает его от тюрем нашего мира? Нет, не жестокость, и не свинское отношение, и даже не постоянная угроза наказания, а то и смерти. Безысходность. Ты начинаешь понимать, что это навсегда. Выхода нет. Когда приходят такие мысли, самое главное – не сломаться. Не превратиться в подобие живого существа. Такие люди умирают быстро. Их можно определить по взгляду, шаркающей походке, хотя здесь все так ходят, но они особенно сильно шаркают. Ближайшая вспышка болезни их выкашивает в первую очередь. Они не хотят жить. Их так и называют – сломленные.

– Ну как ты так-то?

Безрукость раба вылезла вновь. Он умудрился сломать скребок.

– Так он уперся, а я посильнее... – Ларк вжал голову в плечи.

Наверное, его вид должен был вызвать жалость, но не вызывал. Вечно грязный, в замызганном рубище, со слипшимися волосами, он вызывал лишь отвращение, когда вот так сжимался. Я сплюнул от досады. Работы оставалось как раз до ужина, если не успеем – придется все равно доделывать. А это остывшая каша и меньше времени для самого святого – сна. Да и корм уже на нас косо посмотрел в последний раз. Встанет ведь над душой и будет указывать. Вообще это балансирование между работой и бездельем проходило каждый день: сделаешь быстро – еще найдут работу, медленно – не выспишься.

– Держи мой, я пойду расчесать попробую. Ты бы постирался и умылся, что ли.

– Тогда заберет кто-нибудь.

– Да кому твое тряпье нужно, хуже, чем у тебя, ни у кого нет.

Вот если бы не шаманские штучки, из-за таких точно передохли бы все. Шаман давал кормам какие-то порошки, которыми кормы окуривали наши землянки. Воняло жутко, но ни насекомых, ни эпидемий у нас не было. Бывало, конечно, но в основном, если двое-трое одновременно заразятся какой-либо пакостью, кормы начинают бить тревогу. Шаман на них смотрит зло, но нас лечит, а чтоб неповадно было болеть, после выздоровления кормы палок прописывают. Палки упругие, костей не ломают, но больно настолько, что желание симулировать на раз проходит, да и просто болеть тоже. Так что лучше, чуть что, на ногах переносить, вот если уже встать не можешь...

Хрумз не приближался к стенке шлюза. Только я подходил с той стороны изгороди, где он находился, он переходил на другую, и я вновь терял возможность до него дотянуться. Соответственно мне приходилось хромать в обход. Поиграв в кошки-мышки с животным и поняв, что «мышка» хоть и взаперти, но находится в более выгодном положении, я

осторожно высунулся между жердями и потянулся расческой, напоминающей скорее частые грабли, к его боку. Хрумз очень грациозное и ловкое животное. Понял я это практически сразу, даже толком не успев отдернуть руку, а не то что выскользнуть обратно. Он извернулся и совершил прыжок в мою сторону. Я просто влетел в шлюз под воздействием тяжелой лапы, оснащенной такими нехилыми коготками. Рубаха на ребрах стала намочать от крови. О штанах я не думал, но, возможно, тоже намочил. Я не дышал. Во-первых, со страху, во-вторых, по причине наличия лапы на груди, которая меня вдавила в землю. Хрумз обнюхивал мою грудь. Видимо сочтя блюдо годным к употреблению, он слегка провел лапой по моей груди несколько раз, словно пытался выщарапать из меня что-то. Действительно слегка, а то от меня бы ленточки остались. Потом принялся к тому месту, где царапал, и повторил массажные движения лапой. Гриб! Не, ну точно, там гриб! Я осторожно залез за пазуху и достал раздавленные остатки того, что раньше называлось грибом. Хрумз слизнул с ладони кашу, при этом я очень боялся, что он может и с рукой отхватить. Он обнюхал мою грудь еще раз и, потеряв ко мне интерес, отпустил меня. Я осторожно встал. Хрумз не обращал на меня внимания, явно измельчая в пасти мой гриб.

– Да ты наркоман, хрумзик. Можно я тебя расчешу?

Я подобрал выроненные грабли и потихоньку, еле касаясь, провел по шерсти. Хрумз передернул шкурой. Я, задрав рубаху, взглянул на свой бок. Глубоко, конечно, зацепил, но не смертельно. Я продолжал легонько расчесывать его, неся еле слышимым голосом какую-то ахиною про то, какой он красивый и спокойный хрумз. Нормально. Когда под кайфом, даже лучше чем привязанный ведет себя.

В проеме ворот показалась чья-то фигура. Выглянув из-за хрумза, я увидел орка. Хотел наклонить вперед голову и выпрямиться, опустив руки по швам, как положено, но орк показал жестом, что не надо, мол, работай. Хрумз, похоже, даже получал удовольствие от расчесывания, единственное – не дал прикасаться к голове. Ну еще бы, ему на нее три раза привязку пытались поставить. Увлечшись расчесыванием, я не заметил, когда ушел орк. В общем, через пару часов хрумз был как домашний. Шелковая шерсть ниспадала легкими волнами, даже хвост был вычесан. На прощанье я похлопал его по боку и тут же вылетел сквозь жерди, так как он вздрогнул и резко повернулся. Кто его знает, вдруг он тоже меня по боку похлопает? Одного раза хватило.

Убраться у дикого мы успели. Принимать пришел Коряк, он же Корявый, он же сволочь несусветная. Вообще к имени этого корма я бы мог придумать с сотню эпитетов точно. И он это знал, поэтому меня не любил. Ну понятно, что нелюбовь была взаимной. Наверное, это было единственное, что объединяло наши разумы. Кривой, стоя в шлюзе, нашел к чему придраться, глупо было бы... Но мы уже выпустили хрумза в загон.

– Плохо убрали, вон, по центру дерьмо и в углах тоже.

– Коряк, он больше сегодня не войдет сюда...

– Да знаешь, что я делал на твои оправдания?

Внутри стала вскипать злоба, не знаю, что на меня нашло.

– Как, собственно, и я на твои приемки, – выпалил я. – Что, мы сейчас будем всю ночь за ним бегать? У него дней сорок не прибирались, мы чуть не вылизали. Пошел ты знаешь куда...

По опыту я знал, лучше было бы промолчать, так как словесная перепалка быстро переходит в драку, но не удержался. Справиться с Коряком я вряд ли смогу, а вот палок

отхватить теперь уже точно отхвачу. Да еще, как назло, заточку отдал. Вообще я старался не конфликтовать с кормами по мелочам – себе дороже выходит. Вот если что-то серьезное начиналось, например, месяца два назад пытались меня в яму с орочьими фекалиями загнать, типа вычистить надо, или одному тут приглянулась моя обувь, которую я неделю вечерами шил жилами из старой куртки, тут да... я тупо без объяснений вставал в позу. Оба раза дело закончилось без явных последствий для меня, так как до драки не доходило, но кормы нет-нет да провоцировали. Конечно, они бы и так могли... Но были прецеденты, когда особо зарвавшийся корм погибал, отравившись грибами, которые есть не хотел. А орки не любили терять собственность и наказывали за это всех без разбора, корм ты или нет. Да и когда рабы знали, что палок могут прописать и без провинности, многие становились ожесточенными. Поэтому, как ни крути, им нужен был мотив, чтобы наказать меня и преподать урок другим. А тут я сам повод дал. Решив, что я так и так отхвачу, я взял в руки черенок от сломанного Ларком скребка.

Корм вместо того, чтобы попытаться ударить или орать, вдруг ехидно улыбнулся. Я не сразу понял, в чем подвох. Орк вышел через пару секунд из-за угла. Я не знаю, может, кормы как-то мягким местом чувствуют зеленых... но в преддверии Праздника тепла это был залет. Орк просверлил меня взглядом и молча пошел дальше. Вашу маму...

– Можешь идти в загон, Хромой, – скаля зубы, произнес Кривой.

– С-с-с... тварь.

– Я ведь могу и палок прописать напоследок, учись давай мечом махать.

По дороге я обдумывал свои шансы попасть в праздничную команду смертников. Неполноценный, да еще и агрессивный, получалось девяносто девять из ста. Процент на то, что кто-то сильнее накосячит. Со злобы хотел пнуть Ларка, идущего впереди. Просто так. Сдержался только по причине и так жалкого его вида и обвисших рваных штанов.

До ужина оставалось еще с полчаса, я спустился в яму, проверить нары. По-местному, конечно, это слово звучало как «деревянный настил», но я привык называть вещи своими именами. Хотя... Кто его знает, вечерами я любил философствовать, погрузившись в себя, в частности, обыгрывал и это слово. Нары – это деревянный настил или кровать для заключенных? А что такое «шконка»? Это то же самое, что «нары»? Или это железная кровать? Жаль, Гугла нет.

Проверять в землянке-яме было что. Шмон проходил регулярно, уж не знаю, что ищут в тюрьмах нашего мира, но тут искали «лепешки» и «заточки». С последним все понятно, а про «лепешку» объясню.

В принципе, рабы почти свободно перемещаются в пределах глиняного селения орков. Нам запрещено лишь входить в дома без ведома кормов, причем строго-настроено, вплоть до угрозы смерти. Доступ в жилища имеют только рабыни, и то не все. И еще запрещено приближаться к лошадям. Но сейчас не об этом. Иллюзия вольницы порождает соблазн сбежать как минимум у половины рабов. Останавливают два фактора. Первый – степь. Степь кругом. А псы орков большие и быстрые, причем не всегда просто останавливают тебя – могут и кусками принести. И второй – каша. В нее шаман добавляет порошок. Кайфа никакого, а вот ломка безумная. Я видел, некоторые пытались попробовать голодать. Так вот, каша вызывает такое привыкание, что беглец через два дня возвращается. Поэтому те, кто собирается удрать, заготавливают «лепешки» – бесформенные куски или порошок из сушеной каши. Говорят, они помогают пережить ломку или как минимум отсрочивают ее. Почему «говорят»? Потому что я еще ни разу не общался со сбежавшим рабом. Но существует теория, что бежать нужно вдвоем. Первый после благополучного побега привязывает второго к дереву и дожидается, поедая «лепешку», пока не пройдет ломка у второго. После чего второй привязывает первого, ну и аналогично, только без поедания. В общем, у половины рабов такие «лепешки» были. Прятали кто как может. Я взглянул на бревенчатый потолок – моя была на месте, я даже проверять не стал, так видно, что метку никто не тронул. Взяв горшок, пошел на улицу. На выходе столкнулся с Клопом, у того красовался бланш вполлица.

– О, красавец. Кормы?

– Не-э. Потом расскажу. Что?

– Похоже, сегодня не обыскивали, но проверь.

Клоп кивнул и, проходя мимо, сунул мне заточку.

– Держи. Спасибо.

Я встал в очередь к котлу, вскоре за мной пристроился и Клоп. В середину очереди попытался воткнуться Ряха, оттолкнув Толикама. Так бы я промолчал, но Толикам был нормальным рабом, хотя и не мог постоять за себя, да и настроение у меня было мерзопакостное.

– Ряха, ты, может, в конец встанешь, а не будешь наглеть?

Ряха взглянул на Толикама, потом на меня:

– Тебе-то чего? Или лобызаетесь?

– Ты меня сдвинул на один горшок назад. А про лобызаетесь, может, расскажешь? Мне

даже интересно стало.

– Ладно, – многозначительно произнес раб и, посмотрев на Клопа, возвышающегося позади меня, отошел в конец очереди.

– Чего, рассказывай? – обернулся я к Клопу.

– Нейметса же тебе. Чего задираешь? Он же из прикормленных, того и гляди в кормы. Уж как минимум нашепчет.

– Чего шептать, вон Одноглазый зыркает. Да и было бы кого задирать. Рассказывай, что у тебя?

– Бревно орку на ногу уронил.

Я некоторое время обдумывал его слова.

– Это как?

Он пожал плечами.

– Я смотрю, ты Ларка по криворукости опередить хочешь?

– Похоже, уже.

Я посмотрел на него. Он правильно понял мой взгляд.

– Ну я не очень по-оркски понимаю, но «Карлан» и «биться» разобрал, думаю, праздник в этом году мой.

– Значит, вместе пойдем. – Я рассказал Клопу о своей неудаче.

– Так я ладно, нечаянно. Ты-то чего опять? – резюмировал мой рассказ Клоп.

– Да надоело все.

– Смотри, сломишься. Первый знак. А я думаю, чего он сегодня завелся...

Клоп трындел, а я не перебивал его, понимал, ему сейчас тоже не по себе, и эта бесполезная болтовня о моих ошибках хоть отчасти отвлекает от его собственной судьбы.

Вот такой я раб – Сократ.

– ...помирился бы с кормами, может, что посоветуют.

– Ага, сейчас, только все закладки с «лепешками» сдам.

Подошла наша очередь. Одноглазый кинул в мой горшок треть от нормы.

– Старис, ты чего?

– Тебя потом накормят. Можешь идти.

– Ну положено же...

– Иди. А то я тебе наложу чего позапашистей и жрать заставлю.

Тварь. Я отошел от котла и уселся рядом с Толикамом на бревно. Бревна лежали в два ряда. Со стороны рабы напоминали нахохлившихся осенних воробьев, сидящих на ЛЭП. Рабы, уткнувшись носами в горшки, с жадностью поедали несуразное варево деревянными лопатками. Между бревнами ходил корм, это чтобы мы не откладывали кашу на «лепешки». Сегодня это был Жирный, но я его всегда называл уважительно, полным именем – Пидрот, ну нравилось оно мне.

На выходе с площадки после кормежки еще и досмотр устроить могут. Понятно, что кому надо может обойти эти запреты. Если очень захотеть, то можно вообще выменять дополнительную кашу у самих же кормов. Но и они должны показывать оркам свое рвение. Рядом уселся Клоп. Процесс поглощения пищи – святое. В это время на разговоры не тянуло. Слюна не давала.

– Держи, – вдруг протянул мне свой горшок с недоеденной кашей Клоп, вырывая из рук мой пустой.

Отказываться я не стал, но спросить, отчего благородство в нем проснулось, между

махами лопаткой спросил.

– Все равно сейчас выйдет наружу. С тебя четверть пайки, когда встану. – Он кивнул в сторону котла.

Орки! Орки на ужине – к экзекуции. Стопятидесятипроцентная примета. А присутствие в их делегации шамана – трехсотпроцентная, что накажут до полусмерти.

– Клоп! – заорал Одноглазый. – Сюда!

– Чего сидишь? – подошел Жирный. – Здесь он!

– Тащи его, Пидрот.

Наказание орков не то что наказание кормов. Бил прихрамывающий орк. Видимо, тот, которому Клоп ногу отдал. Эх, как он бил. С отяжкой, с душой. Я прижмурился во время удара. «Девяносто восемь, девяносто девять, – считал я количество палок, понимая, что Клоп труп, – сто».

Уф. Остановился. Шаман подошел к лежащему на столе раздачи рабу. Прижал палец к затылку. У меня внутри все сжалось. Смерть раба вообще обычное дело. Но Клоп!.. Постояв секунд пять, шаман отдал какой-то глиняный сосудик корму. Мать моя женщина! Жив, паскуда! Жив! Иначе бы мазь не выдали. Ну Клоп, напугал! Живучий гад.

Клопа утащили к кормам. Это нормально. Там есть лазарет. Кормят опять же лучше.

Вечер был тоскливым. Не из-за того, что произошло сегодня. Здесь все вечера были тоскливыми. В углу резались в «интеллектуальные» экскременты, в реальности игра называется грубее, но пусть так. Суть игры почти как в монетки, а проигравший и есть самый настоящий экскремент, ввиду отсутствия одного у него какое-то время, так как останется без определенного количества каши, по полпорции которой он должен будет отсыпать выигравшим утром и вечером.

Толикам, как обычно, рассказывал что-то. Рядом с его нарами собралась кучка рабов, в полутьме напоминавшая картину: казаки пишат чего-то там. Толикам был образованный раб, из бывших голубых. Не-э, не подумайте ничего плохого, здесь этот цвет носит другой смысл. Я же еще не рассказывал о цветовой дифференциации рабов. О-о-о. Это целая отрасль местной экономики. И наплюйте на тех, кто говорит, что рабство это экономически неэффективный строй, очень даже эффективный. Правда, это воспринимается только у людей. Начну снизу.

Низ – это я. В смысле мы – черные рабы. Черными называемся по причине наличия черного тату на виске, вообще оно называется печатью, но выглядит как незамысловатое тату. Печати, кстати, не имеют никакого магического воздействия, но и вывести их невозможно. Черные – самые распространенные, самые бесправные и самые дешевые животные. В черное рабство попадают за долги, во время войн, во время грабежей, ну, в общем, всяко-разно.

Средний статус рабов – голубые рабы. Они не имеют ничего общего с черными. Вообще ничего. Это добровольное рабство, в редких случаях – купленные у родителей перспективные дети. Наименование происходит так же, как у черных, по цвету печати. Суть голубых – любой достаточно умный (надо выдержать экзамен) и свободный человек, испытывающий недостаток в средствах, может продать себя. Продать в академию, где его обучают в зависимости от талантов (таланты определяют магически). После процедуры усовершенствования, то бишь обучения, раба продают за бешеные деньги. Голубой раб получает небольшое жалованье и один выходной в местный месяц, то есть луну. Но есть и

ограничения: ни женитьбы, ни детей, если его владелец, конечно, не захочет новых рабов (корова, которая дает молоко, и ее телята, ну вы помните). Зато защитой раба, в том числе и от хозяина, служит определенный совет при дворе местного царька. И в случае жестокого обращения – а-та-та. Понятно, что при желании... да о чем я, почти всегда хозяин раба может обойти закон, но это не очень выгодно.

Третий и последний статус рабов – серебряные рабы. Их тату выглядит довольно гламурно, и они могут даже указать обычным гражданам место, это рабы империи. Через десять местных лет службы в голубом статусе раба с вероятностью девяносто процентов выкупит государство по остаточной стоимости, которая тоже не очень низка. То есть империя получает готового, не слишком старого специалиста с опытом работы за сравнительно небольшие деньги. Практически такой раб почти не раб. Нет, конечно, работать придется куда пошлют, но и зарабатывать он будет больше, чем зажиточный крестьянин. Он может купить дом, завести семью, его дети не будут считаться рабами, в общем, там куча привилегий. И все счастливы. У государства образованный персонал за невысокую цену и низкую зарплату. Прежний хозяин получает на десять лет хорошего специалиста или художника за еще меньшую стоимость (с учетом выкупа империей). Школа просто стрижет деньги за обучение, ну а сам раб помимо первоначальных денег, уплаченных ему и потраченных обычно на погашение долгов, имеет хоть и не слишком высокий, но заработок и полную гарантию трудоустройства. Конечно, здесь не слышали о восьмичасовом рабочем дне, пятидневной неделе, отпусках, поэтому уж извини, раб, – солнце еще не взорвалось. Но нормальные управляющие знают, когда устает мозг или легкие. Там еще много заморочек, но я не углублялся – мне серебро не светит.

Наш голубой Толикам провыживал свое счастье юбкой. Другими словами, музыкант спалился на дочке хозяина. Отец был далеко не дурак и наказал его по полной, продав в качестве черного оркам. При этом я так понимаю, что в империи он вообще считается беглым, а это точно смерть.

В общем, это был обычный рабский вечер, я уже почти заснул, когда ко мне подошел Ряха.

– Чего, говоришь, торопишься?

Я нащупал заточку.

– Нет. Но и когда двигают, не люблю, – ответил я, садясь на нарах.

– Ты знаешь мое отличие от кормов?

– Да никакого. Две руки, две ноги.

– Скалишься, значит. Смотрю, выбитые зубы ничему не научили.

– Ну... так и не ты же их выбил. Ты чего, Ряха, хочешь? Повеселить рабов? Так давай.

Я встал с облегчением – успел. Ряха дал встать. Я бы на его месте сразу ударил. Лежачего. Были бы возмущения, конечно, но рабы по природе своей жизни асоциальны. Самое тупое – это начинать разговор с жертвой, как, например, Ряха сейчас. Я говорить не стал. Два коротких удара заточкой в бедро, прежде чем у Ряхи сработали инстинкты самосохранения. От его удара я ушел, есть школа, потом расскажу. Ряха отпрыгнул от меня.

– Ты че, тварь?

Тут к нему подскочил один из холуев и прошептал что-то на ухо. Я догадывался что.

– Ну? – спросил я, не побоюсь этого слова, у оппонента, когда от него отбежал шнырь. – Хочешь дальше? Как раз мое место освободится на празднике.

– Живи, дерьмоскреб. А твоего голубого я потом прижму.

– А ты доживешь до утра? Землянка одна.

Ряха молча развернулся и захромал к своей яме. За Толикама я не волновался – пофиг, мне бы со своими бы проблемами разобраться. А вот Ряха, гарантирую, спать не будет, пока меня не отправят на праздник.

Кстати, насчет неизведанности возможностей человеческого мозга могу авторитетно заявить, что человек может спать и одновременно сканировать звуки вокруг. За шесть лет у орков ни одна сволочь не смогла ко мне подойти так, чтобы я не проснулся.

Утро началось с заунывного голоса одного из прихвостней кормов:

– Вста-а-али.

– Я те в глотку фекалий насую, – раздалось из темноты.

Нормальное утро с нормальным звонком будильника. Быстро встать и на построение, последнему – одна палка.

Умывшись в одной из бочек и порадовавшись с десятков минут восходу местного светила, я пошел отстаивать очередь за завтракообедом. Не дай бог опять обделят – я дней через пять тогда сам на арену проситься буду. В этот раз у котла стоял Пидрот. В его смену ввиду, видимо, определенных страданий толстяка в прошлые, до кормовой жизни годы порции бывали в полтора раза больше, чем обычно.

После насыщения данной богами пищей – распределение на работы. Нудно и долго, но иногда бодрило. Меня, например, второй раз за неделю назначение заставляло волноваться.

– Хромой – на тренировку, потом, если сможешь, к хрумзам.

Лучше уж к дикому. Тренировка! Мерзопакостное занятие. Хотя кому-то нравится. Суть – ты груша для битья. Бить будут подростки орков. Те еще твари. Орки воспитывали своих отпрысков в воинском духе, и рабы покрепче постоянно страдали в вечном бою с орчатами. Рабам, конечно, тоже позволялось наносить удары, но все понимали – не дай бог травма... Ладно, если семилетка достанется, а вот если лет пятнадцати... Орчата к этому возрасту килограмм восемьдесят весили, отсюда выводы. Но меня выбор не касался. Отцы остальных вырождков старались выбирать чадам соперников посильнее. Клоп, например, за месяц уже дважды попадал. Но не отец этой несуразности. Он лелеял свой кактус и позволял ему самостоятельно выбирать спарринг-партнера. Да, я знал своего «соперника» – Хырганос. Звали его немного по-другому, но я не мог воспроизвести рычащее наречие зеленых. Эта интерпретация ближайшая к оригиналу. Итак, Хырганос. Четырнадцатилетний ушлепок, не умеющий постоять за себя. Вот его неумение и стало моей голгофой. Этой зеленой жабе с отвисшими боками не нравилось сражаться с равными или хотя бы немного уступающими по силе. Не-э-эт. Ему нужна была жертва, а что может быть безопасней хромого дрища. Кстати, вот именно благодаря тренировкам с этой тварью я обладаю совсем даже неплохой реакцией.

Тренировка. На поле моего избиения я обязан прийти первым. Это единственный плюс экзекуции, так как Хыргонос ленив и явиться может даже к вечеру. Однажды он меня безумно порадовал, не придя совсем. Я тогда джигу танцевал. Зато в прошлый раз вынес мне два зуба, и это к четверем уже отсутствующим. Не, ну один-то так и так надо было. Но второй! Хороший крепкий желтый зуб! Был...

До обеда, в смысле полудня, я вялился. Переживать из-за ожидания какой-нибудь пакости я отучился года четыре назад. Пакость все равно придет, и зачастую совсем с другой стороны. Поэтому гонять себя напрасными терзаниями не стал. Я мечтал. Мечтал нормально поесть. Мечтал о сексе с восемнадцатилетней моделью, имеющей бюст не больше второго размера. Ну не нравится мне большая грудь. Даже возбуждаться успел. Тут еще и три рабыни мимо прошли. Чумазенькие, и на вид каждой не больше сорока. Эх! Как они стрельнули в меня глазками. Нет, я знаю, что не красавец, но плечи распрямил. Девчонки тоже страдают от отсутствия мужской ласки. Мм... Одну бы, пусть вон ту, пострашнее, да в загон к хрумзам. Мм... У меня здесь аж два раза было. Раз у корчмаря с четырнадцатилетней рабыней, а второй здесь, года три назад, в честь праздника один из орков разрешил девчонкам прийти к нам, не буду рассказывать, с кем я был. Насчет четырнадцатилетней – здесь девушка ребенком считается до первой крови, а там может все – если, конечно, хочет. Правда, кроме этого женскому полу данного мира больше стремиться было не к чему, так как невозможно. наших феминисток бы сюда – пыл сбить.

– Хрра!

Твою мать. Он, наверное, мнит себя Робокопом, выходя на поле против меня. Меч – в смысле палку, обмотанную кожей, он выбирал подлиннее. Я же выбирал полегче. В легкости мое, нет, не преимущество – спасение. Тяжелой, даже если она длинная, я не успевал. А вот облегченной – были шансы, что уйду без травм. Ни разу не получилось, но я знал – шансы были.

– Хрра!

«Свинья», – хотелось ответить, ну или еще чего в рифму.

Палка прошла мимо. Я разорвал дистанцию суперджампом – это когда, опираясь на больную ногу, я быстро перехожу на здоровую и прыгаю назад, слегка касаясь земли больной, оказываюсь снова на здоровой. Школа Хромого Шаолиня. Вы бы видели кульбит через врага в моем исполнении. Шучу.

Ш-ш-иу – пропела оглобля этого придурка над головой.

Как там, если слышишь пулю – она не твоя? От следующего удара уйти не удалось. Морду Хырганоса осветила радость. Ему нравилось, когда было больно, разумеется, не ему.

И тут выграла злоба. Твари зеленые! Уклонившись от очередного удара, я, преодолевая боль, метнулся к нему с колющим ударом в ребра.

На! На!! На!!! Я видел его обиженную, обескураженную морду и яростно бил, ликуя. В конце метелил уже кулаком по голове.

Беспамятство наступило внезапно.

– Мм...

– О, очнулся, герой.

Голос знакомый. Ба! Клоп! Я открыл глаза. Яма лазарета, в смысле лекарская по-местному. Я уже пару раз просыпался здесь после палок.

– Вонючий, я жив? – Память обрисовала последние слайды.

– Да как сказать. Пока – да. Но это ненадолго.

– Я его убил?

– Нет. Ты же еще жив.

– Ну да. А чего не убили?

– Так кормы сказали, что отец зелени не хочет скандал развивать. Это же позор, побил самый слабый раб.

– Ты это, за языком-то следи...

– Ну почти самый слабый.

– Вот, другое дело. Я же все-таки третий. С конца.

– Я рад, что ты шутишь, только...

– Чего? – Голова болела ужасно, и тошнота прямо накатывала, похоже, сотрясение.

– Ну...

– Смертник ты, – раздался незнакомый голос.

Я повернул голову. На соседних нарах лежал здоровенный незнакомый мужик.

– Да он уже знает, – поддержал незнакомца Клоп, совсем не обнадеживая и не щадя моих нежных чувств.

– А ты кто? – спросил я мужика, хотя по отсутствию волос на голове и лице уже догадывался.

– Это корм, из пришлых, – пояснил Клоп. – Ты уже третий день отдыхаешь. Вчера полсотни новых привели. Их кормы с нашими встретились.

– Кто кого?

– Ваши нас, – ответил мужик. – Но одного я отправил к богам.

– Шикарно. Кого?

– Кривого, – ответил вместо мужика Клоп.

– О-о-о. – Я хотел посмеяться, но вырвался только вздох, отдавшийся в ребра. – Я бы тебе руку пожал, если бы ты не был кормом. Так понимаю, ты тоже праздничный пирог?

Мужик промолчал.

– Клоп, чем он меня так? – Я ощупывал голову.

Такой шишки не бывает. Она выпирала, казалось, еще на размер моей головы вбок.

– Не знаю. Думал, ты расскажешь.

– Бревном, – ответил корм. – Ты прямо легенда у рабов. Говорят, так ребенка уделал.

Я засмеялся, Клоп поддержал.

– Че хмыритесь, я бы на месте отца убил сразу, а не к лекарям.

– Так это не он меня, а отец. Клоп, а чего с этим? – Я повел глазами в сторону корма.

– Легонько помяли, – понял меня раб.

– Что, так обгадишься? – спросил корм, поняв мой намек.

– Да нет, почему, только встать бы...

– Вы это, мужики, прекращайте, – вмешался Клоп. – Нам сдыхать вместе... похоже.

Особо артачиться я не стал, но и с кормом не разговаривал больше. Клопа увели в этот же день. Корма на следующий. Меня еще раз посещал шаман. Я так понял, сотрясение и трещина ребра. Шаман поднял меня на ноги за два дня, и я тоже оказался в загоне, впрочем, ненадолго.

– Клоп, Чустам, Ларк, Хромой, Толикам, собирайте вещи, пойдете со мной, – произнес Жирный.

Я, конечно, ждал этого момента, но сердце все равно ушло в пятки. Внутренности тоскливо сжались: «За что, боже? Ну за что ты так!»

Через десять минут, отведенных на сборы, нас, опустивших головы, вели в кузню. Там во избежание попыток побега на ноги наденут кандалы, которые снимут лишь перед ареной. Руки. Десять дней жизни. Десять последних дней жизни. Орки уважали воинов, поэтому в эти руки мы не будем работать. Нас будут обхаживать, разумеется, в рамках нашего статуса. Мы будем есть сколько хотим, нам разрешат один раз воспользоваться рабыней, вот, собственно, и все обхаживание.

Строй рабов равнодушно смотрел на нас. Каждый в этот момент думал: «Как хорошо, что не я». Я их понимал, конечно, но легче от этого не становилось.

Отдельная яма-землянка на пятерых в отдельной же локации, в смысле загоне, огороженном жердями. В загон выходить можно, за него – нет. Через трехметровый проход – следующий загон, туда скоро придут наши соперники из других кланов. Выход за пределы огороженной территории запрещен. Если заметят вне загона, можно остаток недолгих дней не только в кандалах провести, но еще и прикованным к здоровенной чушке, а то и в рабском ошейнике на цепи. Ну и палок, несмотря на свой статус смертника, напоследок получить.

Все попавшие, в принципе, были своими, кроме Чустама. Чустам – это давешний помятый корм не из наших.

– Толикам, а тебя за что? – спросил я безобиднейшего мужика.

– За надежду.

– Понятно, что ничего не понятно. Ты не мудри, прямо скажи.

– Историю рассказывал, как рабы победили хозяев, – объяснил Клоп.

– А-а-а, политический.

– Ты ведь не в деревне вырос, Хромой? – посмотрел на меня Толикам.

– Че ито?

– Знаешь много, думаешь не так, как сельчане.

– Так по акценту-то не понятно, что я не местный? А у нас деревенские образованные.

– Рассказал бы, а то всегда любопытно было, что за страна такая – Замухрынск? Недолго нам осталось, к чему теперь тайны?

– Не-э, Толикам, пусть я останусь самым загадочным рабом, хоть в чем-то впереди всех.

– Эй! Воины! – раздалось с улицы. – Держите.

Клоп, гремя цепью, мелкими шажками вышел из землянки. Вернулся он со средних размеров котелком в одной руке и пятью лепешками в другой.

– Пидрот сказал, что мы можем костер на улице развести. Представляете? Даже травы на отвар дал.

– О-о-о, даже мясо есть, – произнес Чустам, заглядывая в котелок.

Рассматривать кашу мы не стали и, выйдя из ямы, уселись с котелками по привычке на бревне.

– Ларк!

Раб вздрогнул и инстинктивно сжал двумя руками горшок.

– Ты не торопись. Наслаждайся. Тут никто не отберет. Мало будет – еще наложишь. Сам. Сколько хочешь.

Наелись мы до состояния тюленей на лежбище.

– Хо-о-о, – вздохнул Клоп, – сейчас бы еще отварчику.

– Да можно, но лень, – отозвался Толикам. – Ларк, не разведешь огонь?

– Я разведу, – неожиданно предложил Чустам.

Никто не стал возражать. От сладкой истомы и сытости клонило в сон.

– Как свиньи перед забоем, – решил пофилософствовать я. – Чтоб жирок нагуляли.

– Отстань, Хромой, – ответил Клоп. – Дай насладиться.

– И ведем себя так же, – подержал меня Толикам. – Наелись и поспать.

– А-а-а, ну так давайте, предлагайте выход, – лениво произнес Клоп.

– Вон, корм его уже ищет.

Чустам разжег огнем огонь под котелком с водой и теперь отжимался.

– Тебе, Клоп, тоже не помешало бы, – предложил я.

– Почему только мне?

– А нас хоть затренируй, все равно толку не будет.

– Ну почему? – возразил Толикам. – Меня, например, когда танцам учили, преподавали и боевой.

– Это как?

– Изображать бой в танце. Там движения, конечно, артистичные и меч бутафорский, но очень с боем схоже.

– То-то орки удивятся, когда ты танцевать на арене начнешь.

Мы засмеялись, даже Ларк тайком улыбнулся, отвернувшись от Толикама.

– Чего это вы ржете, – подошел Чустам, успокаивая дыхание.

– Да Толикам решил на арене станцевать, – просветил его Клоп, рассказав о боевом танце.

– Хорошее дело, – вполне серьезно ответил бывший корм, присаживаясь рядом, – видел я как-то раз. Не каждому воину под силу то, что они вытворяют на сцене. Вода закипела. Ларк, заварил бы?

Раб нехотя встал и пошел к костру.

– Ты ведь уже не корм, – высказал я свое недовольство Чустаму, – и распоряжаться не можешь.

– Так я и попросил его, а не заставил. Может, хватит на меня порыкивать? А то прикрываешься рабами, а сам ни на что, кроме как поскуливать, не способен. Насмотрелся я таких умных, только людей своей злобой баламутишь. А как до дела...

Договорить он не успел, так как отвлекся на перехватывание руки. Поймав мою кисть, нанес по ней удар, выбивая заточку. Следом его кулак успел побывать в области моего солнечного сплетения.

– Я не хотел так резко с тобой разговаривать, – продолжил он, остановив жестом вскочившего Клопа. – Только знаю, что с такими, как ты, упертыми, по-другому нельзя – не

понимаете вы. Нам остались одни руки, а ты сейчас будешь дней пять злобу на кормов выказывать, прежде чем гордость сменит понимание приближающегося конца. Если сможем выйти живыми, там и разберемся, а нет – духами встретимся и поговорим. Знаю ведь, что бежать задумал, так поделись со всеми умом.

– Чтобы ты про это оркам выложил? – восстанавливая дыхание, прошипел я.

– Хотел бы, уже и про железку твою, – он ногой подтолкнул ко мне заточку, – и про зубильце, что в кузне спер, рассказал бы. Только ведь мне легче умирать от этого не будет, все равно на арену. Подумай, потом поговорим.

Корм, клацая цепью, пошел к дровам, где, выбрав полено потолще, стал поднимать над головой.

– Я не успел... – начал было Клоп.

– Нормально все. Есть о чем подумать, – успокоил я приятеля.

Отвар пили в молчании. Я пытался успокоить вулкан злобы внутри, остальные после нашей с Чустамом стычки тоже не были расположены к разговорам. Корм, позанимавшись, ушел в яму.

– И вправду надеешься? – спросил Толикам.

Я покосился на Ларка. Он, конечно, забитый, но в наущничестве замечен не был. Да и кому ему стучать. Кормов он еще больше, чем я, ненавидит, а орков боится как огня.

– Так подышать или иначе, тут хоть какой-никакой шанс.

– И как?

– Осмотреться надо. Кандалы снять попробовать.

– У меня снимаются, – вдруг подал голос Ларк.

Он приподнял штанину, оголив ноги-спички, и, выгнув ступню, почти выскользнул из кандалов. Затем вернул ногу обратно.

– У тебя шанс уже есть.

Ларк отрицательно мотнул головой:

– А вдруг поймают?

– Поймают, значит, поймают.

– Бить будут. Да и страшно одному, не был я никогда там. Говорят, там волки есть.

– Где там? – поинтересовался я.

– На свободе.

– А как в рабство попал?

– Родился рабом. В клане Древнего Топора. Там иногда рабыням разрешают иметь детей.

Я никогда не интересовался судьбой Ларка. Где-то в глубине души мелькнула жалость к нему. Я вон уже два мира видел, а он кроме орочьего рабства ничего. Видимо, у Ларка редко бывают собеседники, поскольку обычно молчаливого раба понесло:

– Я много раз у кормов за бревнами просился, лес посмотреть, но они не берут меня. А в клане Древних Топоров я однажды скалы видел. Это такие огромные камни из земли торчат.

Ларк замолчал, видимо поняв, что мы-то их тоже видели и объяснять не нужно.

– Не переживай, – хлопнул парня по плечу Клоп. – Насмотришься еще.

– А вы возьмете меня?

Кот из «Шрека» мог отдыхать после слов Ларка, такая детская надежда и

непосредственность в них была.

– Конечно, возьмем, если соберемся, – уверил Клоп.

– Я еще отвара принесу. – Ларк, смешно передвигая ноги, заковылял к котлу.

– Зря вы так обнадеживаете, – раздался из дверей голос корма.

– Ну так сходи, вдарь ему разок, – ответил Толикаму, – чтобы образумить парня.

Из ямы послышался звон цепей. Чустам вышел и присел рядом.

– Ты прости меня, Хромой. Я правда не хотел обидеть. Просто у самого пока в голове все не укладывается. А тут ты смотришь на меня словно дикий хрумз, ну я и не вытерпел, высказался. Ну а уж на удар ты сам напросился.

– Так с вами, кормами, по-другому нельзя. Вам же раз уступишь, вы и на шею сядете...

– Достало это – корм, корм. А ты побудь им, думаешь, легко?

– Никогда не собирался и не стану. Вот сейчас предложат вместо арены, не пойду.

– Ладно, если так, – усмехнулся Чустам. – Обычно за меньшее, чем жизнь, шли.

– Как ты?

– Как я.

Корм на некоторое время замолк, потом продолжил:

– Лет пять назад у нас место корма освободилось. Прежний неправильно понял орка и в дом к нему зашел. А там то ли дочь голая была, то ли еще что, да и не важно... забили его до смерти. Ну и парни из моего отряда, с которыми мы в плен попали, предложили кому-то из нас пойти, мол, остальных подкармливать будет. Кинули жребий – выпало мне. Я сначала не хотел, а потом подумал: стану кормом, буду нормально распределять работы, опять же прикрыть остальных рабов смогу, каши той же побольше сыпануть в котел. В общем, согласился. Ну вроде как такой корм-защитник, – криво усмехнулся Чустам. – Первые руки так и было, а потом... Началось все с работ. Я, как и хотел, закрывал глаза на то, что не выполнено, и спать разрешал днем, но рабы есть рабы, почувствовали вольницу и совсем перестали работать. День, два так. Орки потребовали ответа от нашего старшего, а тот не стал покрывать. Вкатили мне первоначально пятьдесят палок, да старшему десяток и заставили доделывать то, что не доделали рабы, и через двое рук я ничем не отличался от остальных кормов.

Перевели потом на кухню. Я как увидел богатство такое, сыпанул каши в котел побольше. Остальные кормы посмеивались про себя. Оказалось, крупа рассчитана ровно на руки, а мне хватало только на восемь дней. Рабы заволновались, поголодав раз, и опять дошло до орков. Опять мне палок выдали. Да еще орки заинтересовались, что это за корм такой второй раз под палками, и решили проучить меня. Нашли недостатки в работе моих парней и привели троих на палки. А бить, значит, поставили меня. Прописали-то по пятьдесят всего. Ну вот, бью я, а второй корм считает. Понятно, вполсилы бью, но палка есть палка. После того как закончил, орк прогырчал по-своему, мол, из пятидесяти палок засчитываются только три, остальные повторно – слабо бил. А чтоб я понял, то столько же и мне, в науку всем кормам. После сорока семи парень еле живой был. Ну и мне сорок семь, понятно. А орк снова, мол, еще тридцать не засчитаны, но наказывать будем не сегодня, а когда раб на ноги встанет. С остальными парнями так же. Мне в тот день больше палок не досталось. На пятый раз парни умоляли меня бить со всей силы, а сам я еле держался от палок.

– Этаким корм поневоле, – подытожил я.

– Нет. Шел сам, – спокойно ответил Чустам. – Чего это я, в самом деле, выворачиваюсь?

Объяснить хотел... Да ладно...

Бывший корм встал и ушел обратно в яму.

– Чего ты на него взъелся, Хромой? – спросил Толикам. – Как бы ты поступил? Он ведь тоже раб.

– Не знаю, Толикам, может быть, так же поступил бы, а может, и нет. Что его теперь жалеть? За то, что палкой махал? Ларка жалко, хоть и пентюх, а его – нет.

Вечером нас вновь заперли в яме.

Утро, спокойное утро. Первый раз за много лет здесь. Просто лежу. Повернув голову, встретился взглядом с Клопом. Он хотел что-то сказать, но я приложил палец к губам. Как прекрасно. Если бы не кандалы, под которыми зудела сбитая кожа, вообще было бы счастье.

– Эй, вояки, – раздалось с улицы одновременно с лязгом снимаемого запора.

– Тьфу, кор-р-рм, – прорычал Клоп, вставая. – Все испортил.

– Согласен, – подключился Толикама. – Надо будет сказать, чтоб позже приходил.

– Нарочно раньше появляться будет, – пробурчал Клоп.

– Выходите. Считать будем.

– Пусть сам идет, – произнес из угла Чустам.

– Иди считай! – крикнул Клоп.

– Если зайду, то не один. Думаете, вы первые такие наглые?! – крикнул в ответ Одноглазый. – Палки никто не отменял. Много вам нельзя, конечно, но по пятерочке каждое утро и вечер могу организовать!

Завтракали в тишине. После завтрака не спеша пили отвар. Мимо прошли знакомые рабы в сторону строящихся ям-землянок.

– Бедолаги, – равнодушно произнес Клоп.

– Ты о нас? – спросил Толикама.

– Нет. О них. Сколько им еще так корячиться. А тут скоро свобода.

– Ты так уверен? – с сарказмом произнес Чустам.

– Да. На арену или нет, но больше не увижу эту вонючую степь с зелеными мразями.

Мы немного помолчали.

– Не знал, что ты философ. – Я встал и пошел к бочке с водой.

– Просто надоело.

После завтрака Чустам и Клоп пошли тренироваться, мы с Толикамом вернулись в яму – пытаться снять кандалы. Толикама держал на здоровенной клепке кандалов зубило, а я бил по нему поленом. На каждую ногу приходилось по два расплющенных стержня толщиной миллиметров двенадцать. Ларк то выходил, то заходил обратно.

– Чего ходишь? – не вытерпел я.

– Цепью гремлю. Знаете, как вас там слышно?

– А-а-а, извини. Продолжай.

Минут через пятнадцать Ларк вновь вбежал:

– Кормы!

Мы, спрятав инструмент, вышли наружу.

– Считать пришли, – оповестил Пидрот. – Показывайте кандалы.

Как хорошо, что мы не успели особо повредить клепки.

– Чего-то вы часто? – спросил Чустам.

– Так вас раз по пять, а то и десять в день проверять положено. Еще не было такого, чтобы кто-то сбежать не попытался.

– И что, убегали?

– Нет. Всех в версте от деревни ловили. Бывало, правда, убивали тех, кто сопротивлялся.

Да чего рассказываю, ты у наших-то спроси, они расскажут. Не первый день Карлана

встречают. Конечно, своими глазами посмотрят первый раз. – Жирный противно улыбнулся. – Может, кто поведает потом – как оно там?

– А что с победителем происходит?

– Не знаю. При мне никто из наших не побеждал. Но из соседних кланов, слышал, однажды даже отпустили на свободу.

– Расскажите? – спросил бывший корм, когда ушли проверяющие.

– А что тут рассказывать? – пожал плечами Толикам. – Правду Жирный сказал. Бытует легенда среди рабов, что победителя отпускают. Выводят его действительно живым, а что дальше, только духи знают. Орки не особо с нами беседы ведут. А сбежавших всех ловят, я не слышал о таких, чтобы убежали. Опять же знаю, что троих как-то не привели обратно. То ли убили, то ли не нашли, никому не ведомо. Ты как будто первый день в рабах!

– Не первый, но клан Кизана, откуда привели наш торб, в такой глуши находится, что у нас даже если кто сбежит, точно без запасов не выйдет из степи. У нас до леса руки идти. А о празднике мы и не слышали никогда.

– Лошади нужны, – произнес я.

– Ну ты мечтатель, – хмыкнул Клоп. – К ним рабынь-то не всех допускают.

– Твоя Свайла ведь бывает на чистке? И вызовется пойти к нам, когда предложат?

– Наверное, – не очень уверенно произнес Клоп.

– Вы чем-нибудь кроме утех занимались? – У меня начали закрадываться смутные подозрения в излишнем бахвальстве друга.

– Да какие утех. Так, перемигивались да подарки друг другу делали.

– Ты же рассказывал!

– Ну а что я скажу? Что за ручку иногда держимся? Вы же засмеете...

На некоторое время все замолчали. Мы так и не отошли от забора, у которого нас проверяли кормы, и теперь все стояли, опершись на него.

– А что, рука-то мягкая? – спросил я.

– Иди ты. – Клоп развернулся и мелкими шажками, чтобы кандалы не врезались в ноги, побрел к яме.

– Подожди, – окликнул я друга, так же смешно преследуя его. – Ну а запах-то хоть приятный?

– Иди ты, Хромой.

– Так я и иду, подожди!

Ближе к полудню мы все собрались на бревне около ямы. После утренней внеплановой проверки кормы приходили еще дважды.

– Ну что, вождь, какие планы? – спросил Чустам.

– Это когда я себя кормом провозгласить успел?

– Почему кормом? Вождем. Тебе все так или иначе в глаза заглядывают.

– Не-э-э, не пойдет.

– Что, не по лошади груз? Ты же всем надежду дал?

Ловко меня бывший корм подловил. Можно было, конечно, сказать, что никому и ничего я не обещал, но настроение у парней и так тухлое, а если еще я начну отпираться... Жалко их, а еще больше себя. В чем-то этот холуй прав, рабы смотрят на меня, и пусть уж лучше умрут, злясь на кого-то, чем тоскуя последние дни.

– Ты-то сам что предлагаешь?

– Было бы что предложить, предложил бы.

– Дня через два девчонок приведут, – подумав, сказал я. – Надо у них узнать, где лошади.

Кандалы снять с такими проверками только разве что ночью, но тоже не выйдет, шуму много. «Лепешек» надо наготовить, – я напропалую нес чушь, – а там видно будет. В праздник суета, рабов много бегают, опять же шумно будет. Да и должны же снять их с нас когда-нибудь.

– В последний день поздно будет, – включился Толикам, – нас под усиленной охраной будут держать. Все время рядом орк будет.

– Пятеро мужиков – один орк.

Гробовое молчание повисло после этих слов – орков боялись. Орк воин, это не корм, это вообще не человек, это страшная сила. Да и не привыкли уши рабов к столь открытому высказыванию против хозяев.

– Что замолчали? Орк это не дух. Рассказал бы, Толикам, лучше что-нибудь о празднике. Может, и мысли какие появятся.

– Я же только с чужих слов.

– А мы ни с каких. Рассказывай.

Толикам вздохнул, он все время вздыхал, когда вел рассказ через силу. Я уже давно заметил эту его особенность.

– Ну праздник проходит раз в лето. Собираются все орочьи кланы. Испокон веков повелось, что это время самое лучшее для торговли в приграничье, потому как орки ни на кого не нападают. Первый день отведен разнообразным орочьим забавам типа скачек на хрумзах и стрельбы из лука. Наша очередь на второй день. Рабов выставляют на бои для веселья перед борьбой орков. Поскольку кровь оркам проливать нельзя, а оросить степь она обязательно должна, рабов заставляют биться насмерть. Лучший воин этого дня удостоивается особых почестей, каких – не знаю. Рабов обычно заковывают в кандалы и только в ночь перед праздником кандалы снимают и уводят в клетки на арене. Есть в этот день не дают, мол, воин должен быть голодным, чтобы раны были легче, и злым. Перед выходом дают выпить какую-то гадость, после которой люди звереют. Бьются кто чем может. Оружие выбирать будем сами. Того, кто отказывается биться, убивает специальный орк, но убивает не просто так, а вспарывая живот, что символизирует смерть не воина, а животного. Ну вот в общем-то и все.

– Ты, Толикам, конечно, извини, но ты не рассказчик, а даже не знаю кто, – произнес Чустам, нарушив общее молчание. – Хромой вон и то красивей говорит.

– Вам легенды нужны или правда? Могу рассказать, как победителю вожди кланов дают по капле крови, и шаман его превращает в орка. Поверите?

– Да он не хотел обидеть, – сам не знаю почему заступился я за корма. – Просто прям вообще безвыходно.

– А вы ожидали, что я вам расскажу, как уйти от орков?

– Ну хотя бы, а лучше как стать потом богатыми и счастливыми.

– Да не вопрос, идете в академию, становитесь голубыми рабами, а потом попадаете в рабство к оркам. Богатство не знаю, а впечатлений на всю короткую жизнь.

– Лучше бы про горы рассказал, – вздохнул Ларк.

– Говорят, – Клоп вытянул ноги, – на севере, где в холода замерзает вода и снег лежит по полгода, не имеет значения, с татуировкой ты или нет.

Вообще в этом мире, по крайней мере в той части, где я бывал, снег скорее редкость, как

и нормальные морозы. Правда, рабам, поскольку избыток одежды у нас не могло быть априори, даже местные зимы были в тягость. Я в зимнее время часто вспоминал фильмы про войну, где пленные немцы кутались в самое разнообразное тряпье. Рабы очень на них походили.

– Есть такие земли, – подтвердил Чустам. – Мы как-то раз туда купца сопровождали. Я тогда себе куртку меховую купил. Рабов не видел, нет вроде как у них этого. Так что про беглых не скажу. Но тоже слышал, что бегут туда. Только далеко это очень, и не все доходят.

– Вот бы туда, – вспомнил я родной Урал, там в лесах и вправду целой деревней затеряться можно.

– Пошли, – съерничал Чустам.

– Давай после праздника, а то хозяева обидятся.

– Договорились.

– А что, Клоп, там нет власти империи? – желая как-то поддержать разговор, спросил я.

– Да земли-то имперские, – вместо Клопа ответил Чустам, – только там народу почти нет, и поэтому отряды империи небольшие. Да и воинов туда обычно вместо каторги отправляют, за прегрешения. Поэтому не больно-то они свой зад будут отрывать ради поисков беглых. Разве что сам к ним придешь.

– Ну что, пойдём тренироваться?

– О, наконец за ум решил взяться?

– Не-э-э. Просто скучно. Столько лет изо дня в день работал, а тут раз, и нечего делать. Ну и, может, еще день себе выиграю. На большее-то куда рассчитывать. Поставят против тебя или Клопа, и все.

– Сила, конечно, много значит, но встречал я хороших бойцов и мелкого телосложения.

– Да ладно? – подковырнул я бывшего корма.

– Ну пожилостей тебя, конечно, – поправился он.

Надолго меня не хватило. Я, конечно, привык к работе, но делал ее всегда не спеша. А тут нагрузки. Через полчаса я вновь сидел на бревне, утирая рукавом струящийся пот.

– Ты не бревна поднимай! – крикнул мне Чустам. – Силу все равно не успеешь развить. Двигайся, чтобы как можно дольше не выдохнуться.

Сон после таких нагрузок на рабский организм был мертвым.

Третий день уже не особо радовал освобождением от работ. Я, да и не только я один, тоскливо проводил взглядом рабов, идущих после распределения на работы. Хорошо им, жизнь еще немного продлится. Я помнил о том, что лучше раз поклевать мясо, но в нашей ситуации ни мяса, ни падали, лишь смерть на потеху зеленым ящерицам. Хотя нет, падаль была...

– Показывайте кандалы.

И это второй раз за утро. День прошел в истоме после жратвы и тоскливых мыслей. Вялые разговоры быстро затухали. До нас начинало доходить истинное положение вещей.

– Завтра вам девок приведем, – сообщил Пидрот. – Так что мойте свои стручки.

Это несколько оживило вечер. Когда нас заперли в яме, мы принялись гадать, кто завтра придет к нам.

– Вот бы светленькую, – мечтательно произнес Клоп.

Все сразу поняли, о ком он. Светленькая прибыла с месяц назад и числилась в королевах

красоты местного рейтинга.

– Не надейся, – обломал его Толикам, – она кормам тоже нравится, ей ласки и так хватает.

– Да знаю, но хочется...

– А мне Курточка нравится, – присоединился я к одному из любимых занятий мужиков всех времен – обсуждению женского пола.

Курточка, а по данному родителями имени – Ивика, была миниатюрной девчушкой, наверное, моего возраста. Хотя, может, и постарше. Прозвище ее происходило от мехового предмета одежды, который и курткой-то назвать сложно. Дыра на дыре и облезлым мехом погоняет. Но тем не менее она года три не снимала ее даже летом. Потом с дизайнерским чудом, видимо, что-то произошло, и она сменила стиль, а вот прозвище осталось.

– Так она же плоская?

– Ну и что, а мне нравятся такие, да и миленькая она. Она как стрельнет глазками, так мм...

– Ты что? Уже все?

Рабы засмеялись.

После таких разговоров засыпалось тяжело. Мысли крутились вокруг юбок. Рабыни были, конечно, не порнозвездами, ну так и мы смотрелись далеко не как мачо. Самые здоровые из нас, Клоп и Чустам, тянули внешне на крепких стариков. Загар на лицах и шеях был темно-коричневым и создавал резкий контраст белоснежному телу – рубахи, ну а уж тем более штаны дозволялось снимать только на помывке или в яме.

Все тело, а в моем и Чустама случаях и лицо были испещрены шрамами, мелкими и не очень. У меня самый заметный был на верхней губе – орченыш как-то заехал мне так, что треть губы о зуб почти полностью срезало. Поскольку рана не угрожала жизни, пришлось заниматься самолечением, то есть ходить пару дней, прижимая оборвыш к месту, на котором он раньше рос. Это украшение мужчины не скрывал даже пушок над губой. Мелкие ссадины я вообще в расчет не беру. И упоминать о мозолях и загрубевшей коже не буду. Апогей нашей красоты – прическа, причем как на голове, так и... не угадали, на бороде. И там и там стрижку делали раз в два месяца, вне зависимости от желания. Стригли либо здоровенными ножницами – в нашем мире подобными, наверное, овец стригли, либо просто срезая ножом. Нет, ну конечно, можно было и заточкой побриться, но это значило выдать ее наличие. Самым радикальным способом было подпаливание, соответственно не начисто. Мне в связи с наличием всего лишь нескольких жидких волосков на подбородке и верхней губе бритье было не нужно. И данный факт не мог не радовать, когда я наблюдал за рабами, приводящими горячей палочкой растительность на своем лице хоть в какую-то форму после стрижки.

– Толикам, – раздался в тишине шепот Ларка. – Толикам...

– Мм?

– А как это... Ну, с женщинами. Я это... Я не знаю. Куда там надо пихать?

Шепот Ларка в оглушающей тишине был что крик. Первым не выдержал Клоп. Спустя пять секунд хохотали все. Не буду пересказывать тот инструктаж, что получил в этот вечер наш девственник. Уснули уже далеко за полночь.

Надо сказать, рабы с большим пиететом относились к женскому полу. Такую нежность, какую испытывали мы, я точно знаю, ни в одном фильме не увидишь, вот прямо нежность-нежность, на грани щенячьего восторга.

У бочки с утра было не протолкнуться. Хотя, казалось бы, нас всего пятеро. Помывка по пояс много времени не заняла. А вот ниже, да еще и при наличии кандалов и отсутствии нормальной купальни... Была мысль мыться в яме, но если наплескать там воды, то потом дня три воздух становился тяжелым. Поэтому победила мужская взаимовыручка. Мы вчетвером обступали пятого, который осуществлял приведение в должный вид своей нижней части. Штаны у всех были мокрыми, но это только поднимало настроение, так как давало некий простор для тупых шуток.

– Кто хоть знает, надолго их приведут? – Обычно уравновешенный Чустам сегодня явно волновался.

– Осьмушки на три, – ответил Толикам. – Ну а если что кормам дать... Хотя кому я объясняю.

Осьмушка – это восьмая часть дня, собственно, и из названия ясно. Я иногда

переиначивал в час – уж очень на местном «осьмушка» похоже звучит, а рабы списывали на мой акцент. Точно соотносить с часом данную единицу времени я не мог, так как измерительный эталон из моего индустриального прошлого захватить не успел. Пытался одно время соотносить с пульсом, но, к своему стыду, не мог вспомнить, какая частота пульса у человека. К тому же он, как и сила тяжести этого мира, могли отличаться.

К подготовке встречи с женским коллективом подошли серьезно. Навели как могли порядок в яме. С осьмушку только территорию делили одеялами, обустривая каждый свое гнездо. Кашу, выданную с утра кормом, даже есть не стали – оставили рабьям, они наверняка голодные. Хотя если честно – не лезло ничего в глотку.

Девчонок привели ближе к полудню. Духи, наверное, услышали меня, потому что среди рабынь была Курточка. Клоп зря сомневался в Свайле, статная женщина с грудью немалого размера игриво смотрела на него. Удивительно, как годы в рабстве не согнули ее спину. Партнершу каждый из нас выбирал сам. Таковы уж реалии этого мира – мужчина занимает главенствующее положение. Чустам шагнул к объекту моего вождения первым, Толикам шепнул ему:

– Курточка.

Бывший корм повернулся ко мне и подмигнул, выбрав стоящую рядом с Курточкой женщину.

Вы можете осуждать их, можете – нас. Наверное, с точки зрения нашего цивилизованного мира безнравственно заниматься сексом с почти незнакомым человеком, при этом зная, что это только секс. Но как же хотелось женской ласки, и я знал, что рабьям этого хочется не меньше.

Последним выбирал Ларк. Понятно, что его выбор был номинальным и ограничен одной рабыней, кстати, совсем даже не страшной, разумеется, по меркам рабства. Но парень замер, опустив глаза. Клоп подтолкнул его. Ларк сделал шагок и снова застыл.

– Ну раз не хочешь... – начал Жирный.

– Как не хочет? – чуть ли не прорычал Чустам и, схватив за руку, практически перекинул Ларка на несколько шагов, отделявших того от рабыни. Потом взял ее руку и вложил в ладонь Ларка. – Еще как хочет!

– Ну ладно, давайте, к вечеру подойду.

– Это, Пидрот, подожди.

Мы отошли от забора к яме. Чустам о чем-то шептался с кормом минут десять. После чего вернулся к нам с сияющим лицом:

– До утра.

– Это как ты его? – спросил Клоп. – Он вроде злым должен быть на тебя? За Коряка.

– Да у меня остались кое-какие вещи в общей яме. А злиться ему не за что. Раньше Коряк был старшим кормом, а теперь он. Так что он мне еще и благодарен должен быть.

– Кто ж их сейчас отдаст, вещи?

– Отдадут. Там мой друг.

Как бы объяснить те чувства, с которым рабы относились к прекрасному полу, ту детскую и наивную нежность, направленную на получение не детского наслаждения.

– Так это... Чустам, – представился своей избраннице бывший корм.

– Эгна, – улыбнулась она, почти не размыкая губ.

Но этого хватило, чтобы заметить отсутствие одного зуба. Наверняка она стеснялась этого, как и шрама, спускающегося по скуле, который был частично прикрыт подобием платка.

– Хромой, – назвался и я.

– Да это-то мы знаем. – Свайла, с которой мы с Клопом не раз перекидывались шутливыми фразами, была на положении старой знакомой. – А как по имени? А то у нас даже ставки делали, гадая.

– Алексей.

– Ну хоть что-то узнали, – вступил в разговор Толикама.

– А чего это вдруг такое пристальное внимание к моей персоне?

– О как, он может говорить, оказывается, – усмехнулся Клоп.

Разговор был, в принципе, ни о чем, но этот треп потихоньку рассасывал неловкое напряжение между нами.

– Тем не менее?

– Ну да ты такой милашка, хотя и худоват, – вступила в разговор девушка Ларка, хотя девушкой она была годков этак двадцать назад, что при не очень продолжительной жизни рабов вводило ее в статус скорее близкий к пожилому возрасту. – Так и хочется за щечку потрепать. Правда, Ива?

– Ну да, – скромно ответила моя избранница тонким и нежным голосом.

Хотя, возможно, таким его в моем восприятии делали бушующие гормоны.

– Чего это ты оробела? – удивленно произнесла Свайла.

– Да как-то...

Я, повинясь мужскому инстинкту защитить девушку не важно от чего, сам не ожидая от себя, приобнял Курточку и прижал к себе. Она уткнулась в мою грудь лицом.

– О-о-о, да у вас тут любовь, оказывается, – ухмыльнулся Чустам. – То-то ты нам про нее заливал вчера. Ну что, дамы, приглашаем на обед, а то чего это мы стоим.

Дам приглашать дважды не пришлось. Еда – это святое.

– Хороша каша. А вы чего ж? – спросила Свайла, заметив, что мы не прикоснулись к котлу.

– Ростолстеть боимся, – ответил Чустам. – Вы не переживайте. Нас и так три раза кормят. Сейчас Жирный еще принесет.

Хотя мне кажется, что если девчонки и переживали, то где-то очень глубоко, но фраза бывшего корма тем не менее помогла рабыням оправдать перед собой свою страсть к еде. Иными словами, чувство вины от объедания нас, смертников, и так-то было мизерным, а теперь вообще исчезло. Только поели, как появился корм с очередным котелком, в этот раз почему-то был не Жирный.

– На ужин принесу на всех, а теперь только ваши порции, на них не положено.

– Спасибо, Ролт, – улыбаясь, забрал котелок Чустам.

– Развлекайтесь.

Видно было, что рабыни рады бы и этот котелок оприходовать, но привыкший к полуголодному состоянию в это время дня желудок уже не принимал. Пиалита по прозвищу Палка, девушка на сегодняшний вечер Толикама, попыталась, но очень быстро сдалась:

– Никогда бы не подумала, что скажу это, но – не могу.

– Ну вот теперь и нам можно. – Толикама взял свой горшок у Пиалиты.

Пока мы ели, рабыни успели оценить нашу обитель с развешанными внутри шторками.

Свайла разок выбежала, забрав оставленный около бревен маленький горшочек.

– Готовятся, – сладострастно произнес Чустам.

Хотя все это и так поняли, за исключением, наверное, Ларка. В горшочке было зелье, выдаваемое шаманом. Эта зеленоватая мазь служила противозачаточным и обеззараживающим средством одновременно.

О том, чтобы не залететь, ну, и понятно, не подхватить чего, рабыни пеклись особо. Если последнее само по себе неприятно и нежелательно, то беременность могла стоить рабыням жизни. Поскольку рабсилу орки даже на время терять не хотели, то прерывание беременности проводилось сразу, как только заподозрят. Каким способом, не знаю, но после этой операции рабыни переставали получать удовольствие от секса и больше никогда не беременели. Кроме того, существовала высокая вероятность смертельного исхода.

– Клоп, иди сюда, – позвала Свайла из землянки.

– Спрашивают, где чья кровать, – объяснил нам вернувшийся через минуту Клоп.

– Эх, – многозначительно вздохнул Чустам.

Я краем глаза глянул на Ларка, тот находился если не в прострации, то уж точно не с нами.

– Ларк, ты чего?

– Я не буду.

– Почему? – удивился Клоп.

– Не хочу.

– Не понял? Что за ерунда?

– Не хочу, чтоб у орков появились новые рабы.

С одной стороны, фраза парня была смешной ввиду его неосведомленности о противозачаточной мази. По той же причине его фраза совсем даже не вызвала смеха. На его месте я, наверное, наплевал бы на возможную беременность. Вкратце мы провели еще одну воспитательную беседу с Ларком.

– Боюсь, – ответил он нам.

Чустаму надоело убеждать его:

– Клоп, попроси Свайлу, чтобы с... не знаю, как ее зовут, поговорила.

– Линака, – понял, о ком идет речь, Клоп.

– А мы этого силой, если надо, доставим.

– Хорошо, – поднялся Клоп.

– Не надо, – испуганно произнес Ларк.

– Переговори, – повторил Чустам. – Ничего в этом постыдного нет, а умереть, так и не познав женской ласки, я тебе не дам. Это... это... Потом сам расскажешь. Еще благодарить будешь.

– Вы смеяться будете.

– Конечно, будем. Тебе-то вот не побоку?

В итоге Ларка почти волоком затащили в яму, когда рабыни разрешили нам войти.

Я с замиранием сердца проник в свой уголок. В яме было темно, но за годы в рабстве я научился видеть почти как кошка. Ива лежала уже раздетой. Поскольку все тряпье, включая сменные штаны, ушло на создание видимости перегородки, то прикрыться ей было нечем. Ее платье тоже висело подвязанное к одеялу и стенке в качестве занавеси. Я прилег рядом и прикоснулся пальцами к обнаженному животу. Слова в нашей ситуации были излишни.

– А что ты рассказывал обо мне? – Мы уже минут пятнадцать просто лежали.

– Когда? – Я не сразу понял, о чем она.

– Ну, Чустам говорил...

– Что ты мне нравишься.

Ива явно напрашивалась на комплимент, а я не сразу вспомнил, что любой девушке, независимо от положения, надо говорить о ее красоте.

– Мечтал, чтобы именно ты пришла.

– Врешь.

– Нет. Ты мне действительно очень нравишься.

Очень мешали кандалы и спущенные штаны, но не настолько, чтобы не ответить на нежности девушки еще раз.

Из ямы мы начали выползать уже ближе к ужину. Рабыням для их потребностей отнесли ведро воды в землянку.

– Пусть плескаются, потерпим как-нибудь, – сказал Толикам, относивший ведро.

– Да пусть хоть все там зальют, – согласился Клоп.

– Ну как? – спросил Ларка Чустам.

Парень не ответил, но густо покраснел. Поскольку у него, как и у меня, еще не было бороды, это было очень заметно даже на коричневой от весеннего загара коже.

– Ну вот, а ты не хотел, – хмыкнул бывший корм. – Клоп, а ты поговорил о деле?

– Конечно. Вы, значит, не жились, а я языком чесал. Успею еще.

Демоны. Как же это прекрасно... Конечно, был безудержный секс, с крайне обостренными впечатлениями, подчеркнутыми длительным воздержанием. Были признания в любви, было много чего. Но основное наслаждение было не в этом. Нет, телесная близость это вещь, но как бы объяснить... Смех. Радость. Невинные шутки. В эти моменты я забывал, что раб. Пусть на короткое время, но забывал.

Все будто бы во сне. И, как любой сон, закончился и этот. Практически сразу после ухода девчонок в яме словно вакуум образовался. Гнетущая и пустая тишина. Следующие сутки тоска, словно вампир, высасывала из нас соки.

– Как хреново-то... – Чустам потирал затылок.

– Да ладно тебе, нормально было, – лежа на бревне и равнодушно рассматривая проплывающие по небу облака, произнес Клоп.

– Я и не говорю, что было плохо. Только мутно теперь как-то.

– Согласен, – поддержал я корма, поднимаясь из лежачего положения. От созерцания кучерявых облаков, которому мы с Клопом предавались последний час, начала кружиться голова. – Только думаю, нам не светит больше такого.

– Ты опять? – Чустам гневно посмотрел на меня.

– Больше не буду. Клоп, расскажи еще раз.

Он уже рассказывал вчера об их со Свайлой разговоре, но лучше выслушать на трезвую, не затуманенную воспоминаниями о женском поле голову.

– Основной табун пасется примерно в осьмушке пути от поселения. Охраняют обычно пять-шесть орчат. Точное положение табуна сложно определить – все время кочуют. Лошадей подгоняют для конкретных задач. Скажем, надо за бревнами ехать – подгоняют сколько надо. Но на время праздника обычно есть временный табун – принять лошадей приезжающих, да и

так вдруг понадобится. Пасется рядом, но где – тоже неизвестно.

– М-да. Никак.

– О, соседей пригнали. – Толикам кивнул головой в сторону противоположной локации.

– Привет, мужики! – прихрамывая на обе ноги – вторая затекла, подошел я к забору.

– Иди ты... Мы вас, свиней, на палке вертеть будем.

Моя ответная речь была с тем же смыслом, но немного резче, да и слово «свиньи» я поменял на более подходящее, ассоциирующееся в нашем мире с цветом татуировки Толикама, так что в целом соседи смысл поняли.

– Ты че, сука, давно фекалий не жрал? – продолжил я.

– Я тебя сам ими накормлю, – раздалось в ответ.

– Чего это они? – спросил я у своих. – Вроде слова плохого не сказал.

– Да правильно делают, – ответил мне Чустам, – нам через несколько дней пластать друг друга. Злобу нагоняют.

– Ну мне-то точно нагнали.

– Дурак. Хочешь победить – оставайся спокоен. Лучше даже от орочьего зелья отказаться.

– А как же злость перед боем?

– Тоже неплохо, только не для тебя, а для сотника. Один под зельем ярости пятерых стоит. Только обычно гибнет.

– Тут-то один на один.

– Не знаю. Может, здесь и хорошо. Но мне привычней, когда в бой идешь спокойным и разумно осмысливаешь происходящее.

До полудня думать ни о чем не хотелось. После обеда мы стали мыслить более конструктивно.

– Предлагаю ночью попытаться сорвать оковы, а утром затянуть в яму кормов и бежать, – сказал Клоп. – Там найти табун и стырить лошадей.

– Почему не вечером? – спросил Чустам.

– Ночью бежать удобней. Да и уверен, орочьи выкормыши ночью спят.

– Вечером запирать приходят попарно, один у ворот дежурит. Да и неожиданней утром.

– Еще идеи есть?

– Ослабить днем петли и выбить ночью дверь, – попивая отвар, предложил я. – Оковы срывать, укутав одеялами, чтоб шума не было. Только все равно под утро управимся.

– А вместо молота использовать котелок, надетый на бревно, – дополнил Толикама. – Так удар жестче.

– Ну все какие-то мысли, – подытожил бывший корм. – Давайте попытаемся. Успеем до утра – дверь вынесем, нет – корма к нам затащим.

То, что мы не успеваем до утра, стало понятно часа за два до рассвета. Не успевали расковать меня и Толикама. На меня, как самого тихходного, было наплевать. Нет, звучало, конечно, как «не успеваем», но я-то понимал подоплеку того, что оказался последним в очереди. Обиды не было – своя шкура всяко любому дороже. С Толикама решили все же успеть сбить оковы и действовать по плану Клопа.

Я оставшихся три дня потешался над неудачливыми бегунами. Оказалось, что по причине прибытия рабов из еще трех кланов, а соответственно незнания их мыслей и

способностей, кормы договорились проводить утреннюю побудку аж втроем. Своего рода усиление в честь праздника. Ну и куда четверке рабов против троих раскормленных кормов, вооруженных палками? И им было все равно, что наши тоже были с досками от нар в руках. Кормы избили ринувшегося напролом Чустама и вновь заперли дверь. Понятно, что в следующий раз ее открывали практически со спецподразделением, то бишь полным составом кормов в количестве девяти человек. Десятого – Корявого – еще не успели заменить. Отхватила наша троица – потому как Ларк впрыгнул обратно в свои оковы – по полной. Мало того, им еще и палок по пятерке прописали. И это было не финальной точкой. К вечеру передвижение троицы было ограничено цепью с ошейником. Мы с Ларком отделались просто палками. Ну так, за компанию.

Смеяться над ними было, конечно, жестоко и неразумно (сам мог попасть), но уж больно хотелось:

– Клоп! Ко мне! Ко мне! Кому я сказал?

– Хромой, не боишься, что будешь прихрамывать на обе?

– Не-э, тебе до меня не дотянуться.

– В яме поймаю.

– К вечеру отойдешь. Да и будешь ерепениться – каши не дам.

Паек нам, кстати, урезали до положенных двух раз. Пострадали не мы одни. Через день во второй загон от нас прибыли новые рабы из родного клана Ларка, которых не успели заковать в ночь. Парни быстро сориентировались и дали деру. Поймали четверых. Пятый не вернулся, но, по слухам, по причине смерти. В какой-то мере наши отделались легким испугом.

– Отвар будете? – Я принес котелок с кипятком и вымытые горшки прикованным, так как они даже до бочки теперь не доставали.

Самое плохое, что они и до выгребной ямы, огороженной типа маскирующими присевшего жердями, тоже не дотягивались. Но почетную обязанность убирать за ними я взвалил на Ларка.

– А меня еще упрекал, что я отношусь к нему как корм, – выразил мне недовольство Чустам после очередного похода Ларка с помойным ведром.

– Тебе хочется, чтобы я за тобой убирал? Или здесь будете нюхать?

– Нет.

– Да ладно вам злиться. Я тоже с вами мог попасть. Вот если бы не попытались – обидно было бы. Или как соседи. А так пяток палок да ошейник.

– Ну да, – вздохнул Клоп, потирая отекающую половину лица. Ему первому досталось при штурме кормами нашей обители.

Мы некоторое время посидели молча.

– Что, бегуны? – раздался голос Ролта от забора. – Веселитесь? Я вот тут что подумал. Помню, вы с девками так тепло прощались, прямо на слезу пробило. Так вот, очередь ваших соседей настала их попользовать. Сегодня их к ним поведем.

– Червь ты, Ролт, – огрызнулся я. – Фекалии-то на зубах не скрипят?

Парни тоже добавили от себя комплиментов корму. Он только усмехнулся. К обеду девчонок провели мимо нас к соседям. Корм что-то сказал рабам, и те, покосившись на нас, заулыбались.

Иву тащили к яме за волосы. Свайле перепало сразу по лицу. Вечером к душевным терзаниям добавились телесные – по пять палок всем нам за острый язык и ошейники мне и

Ларку.

День Карлана наступил внезапно, в смысле как зима для наших коммунальщиков – вроде ждали, но не надеялись. Мысли в голове были мутными и вялыми. Нет, ну реально – я понимал, что смерть рядом, но вот когда уже идти к ней надо, ноги становятся ватными.

Само утро не предвещало ничего хорошего. Хотя какое утро. Практически ночью нас начали выволакивать и расковырять прямо во дворе по одному. Само избавление от оков – кайф, чего не скажешь о последующем помещении в клетку. Умыться нам не дали, поесть тоже. Единственное, выделили новую одежду, серую и мешковатую – понятно, что не на подиум ведут. В клетке мы постепенно оказались все пятеро. Перед клеткой была арена – поле с жухлой травой. Справа от нас стоял ряд таких же клеток, в одной я заметил наших будущих противников из соседнего загона. Хотя логику зеленомордых тварей было иногда сложно понять, могли и рабов одного клана друг с другом заставить биться. По краям поля не было ничего, это мы уже потом поняли, что границы арены есть, но они условны. Вскоре начали собираться орки. Они важно шествовали на, по всей видимости, отведенные им места, и перед каждой из компаний кормы выкладывали заточенные палки и камни, назначение которых выяснилось позже.

Толикам ошибся, предполагая, что мы не будем веселить орков в первый день. Главным цирковым номером сегодня были скачки рабов на диком хрумзе. Орки встали и взяли палки в руки. После чего на поле был выпущен мой бедолага. Хрумз метался по площадке, а орки с хохотом били его кольями. Каждый пытался ударить посильнее, когда зверь приближался. С задних рядов кто-то даже метнул пару кольев словно копья, попав ему в нос. Животное постепенно начинало злиться. Мохнатый хвост нет-нет да и бил по боку. Поняв, что вырваться из этого круга не получится, хрумз вышел на середину арены и встал, тяжело дыша и оглядываясь. В этот момент из дальней клетки орк вытащил раба.

Вытащил – это я уже додумал сам, так как все происходящее с того края нам не было видно, а добровольно к этому зверю я бы, допустим, сейчас не вышел. Хрумз не сразу бросился на раба. Заметив человека, он приподнял морду и несколько раз втянул ноздрями воздух. Сначала он шел шагом, потом скачками... Раб побежал. Последние метры хрумз пролетел в прыжке.

Взбешенный зверь просто разорвал ничем не вооруженного раба. Насмерть. На поле валялся кусок мяса, слабо напоминавший человека. Если бы я находился ближе – меня бы наверняка вырвало. А так словно фильм ужасов посмотрел. И каждой клеточкой прочувствовал, что нам предстоит.

– Да чтоб я духом стал, – произнес сзади Толикам. – Пусть лучше меня здесь убьют.

Десяток орков, держа перед собой копья, подошли к телу раба. Один из них ткнул в него копьём. Раб не шелохнулся.

– Идиоты, – почему-то прошептал Чустам.

Орк воткнул в раба боковой луч наконечника копья, загнутый назад, и потащил тело. Остальные прикрывали его.

То ли зверь спустил на первом пар, то ли ему самому не понравилось то, что он сделал, но на следующих рабов он не реагировал, а они не торопились к нему подходить. Из орочьей толпы в раба летели камни, если это не помогало, выходил орк с мечом и показывал, как будет вспаривать рабу живот.

Второй раб после такого показательного выступления нехотя пошел к хрумзу. На определенном расстоянии зверь, стоящий к рабу боком, начал коситься на приближающегося глупого человека. Когда их разделяло метров десять, хрумз развернулся и побежал навстречу. Раб бросился наутек. Удар лап в спину, и зверь с кошачьей грацией перепрыгнул через лежащего человека. Раб не шевелился. Хрумз, понюхав его, отбежал метров на пять-шесть ближе к середине арены, так как из толпы зеленомордых в него долетел камень.

Раб шевельнулся и ползком, на боку, не теряя из виду хрумза, стал отдаляться. Через несколько метров вскочил и побежал, придерживая одну руку. Из круга его не выпускали, тыкая кольями, как до этого хрумза. Раб отбежал от орков и встал, не зная, как дальше поступить. Он забыл про камни, и буквально второй булыжник попал ему в голову. Раб упал. Минут пять ничего не происходило. Потом оркам надоело, и к человеку выдвинулась похоронная процессия десятка орков с копьями. Один ткнул, зацепил копьем-крюком и потащил труп по полю.

Третий раб почти скопировал судьбу второго. Подошел. Побежал. Умер от удара зверя.

Судя по количеству рабов, выводимых на поле, кланов на празднике было одиннадцать, так как только что вывели уже десятого раба, и он был из соседней с нашей клетки. Выводили, тыкая кольями через решетку, того, на кого показывал пальцем старший орк. Из всех предыдущих не выжил ни один.

Несколько выходили с мечами, наверное, это разрешалось. Из этих отчаянных вступить в схватку с хрумзом решился только один, с довольно длинными волосами, завязанными в хвост.

– О, смотрите, лафот, – произнес Клоп, когда он вышел.

– У этого может получиться. – Чустам, уже потерявший интерес к зрелищу и сидевший в углу клетки, вернулся обратно.

– Что за лафот?

– Лафоты – народ с одного острова, где-то по пути в Паренские земли. Их с детства учат воевать, – просветил меня Толикама.

Вопреки надеждам Чустама, островитянин был убит с той же легкостью, что и его безоружные предшественники, хотя, надо отдать ему должное, он не побежал. Остальные вооружившиеся рабы бросали железо и делали ноги. Пятого или шестого убили, вспоров живот, так как он выбрал безопасное расстояние, где хрумз не реагировал, а от камней орков он мог уворачиваться. Покидав минут двадцать камни, орки выслали к рабу ту самую похоронную, а теперь уже карательную группу. Удар древком копья по голове, взмах мечом снизу вверх, и еще кричащего раба тащили, как и трупы, на крюке. Показательная акция отбила всякое желание повторять фортель раба.

Орк, оскалившись, ткнул пальцем в меня. Надо же, запомнил. Это был тот самый орк, наблюдавший за мной в загоне. Зеленомордый что-то прорычал.

– Залезешь на спину хрумзу или убьешь его, сможешь вернуться в клетку живым, – перевел мне единственный корм в их команде.

Орк прогырчал что-то еще, вопросительно глядя на меня.

– Что-то нужно? – равнодушно спросил переводчик.

– Гриб, – ухватился я за единственный шанс. – Нужен гриб радости. Такой маленький, в степи растет.

Корм хотел перевести мою просьбу орку, тот остановил его взмахом руки.

– Могу воду воинов дать. Злее будешь, – коверкая слова, но тем не менее понятно произнес орк басом.

Я отрицательно помотал головой:

– Нужен именно гриб. Я не буду его убивать. Я сяду на него.

– Хорошо. Сядешь на хрумза – награжу. Нет – живым не иди, будет долгая смерть.

Даже ради поисков гриба стоило его попросить, так как искали его около получаса. Хрумз стал за это время явно спокойнее, в отличие от орков. Они уже что-то выкрикивали с мест. Мне было видно, как орк, говоривший со мной, подошел к сидящему с другой стороны поля вождю нашего клана и что-то сказал. Вождь, выслушав его, кивнул и, встав, вышел из толпы. Орки сразу замолчали.

Тут надо сказать, что клан, в котором я был рабом, – главенствующий в степи, ну или в части степи, точно не знаю. Соответственно вождь нашего клана – глава степи. Собственно, поэтому Праздник тепла и проводился у нас.

Вождь толкнул довольно длинную речь. Орки отреагировали неоднозначно, но в общем гуле явно слышался смех.

– Варт, что он сказал? – спросил я корма-переводчика.

– Что Хырзамхур – орк, который с тобой говорил, поставил весь свой табун лошадей на то, что ты сядешь на хрумза. Поэтому ради такого зрелища можно немного подождать.

Грибы принес Жирный. Именно грибы, а не гриб, потому как их было целых два. Я, взяв их, закинул один в рот. Если ничего не получится, будет проще умирать. Но, помусолив, вытащил, решив последовать совету Чустама и остаться с холодной головой. А то хромой, да безголовый... Еще немного потянул время, пока один из орков не буркнул недовольно.

– Иди, – перевел корм. – Удачи.

– Спасибо.

Только я сделал несколько шагов, по рядам орков прокатился сдержанный смех. Эх, сейчас бы вискарика грамм этак сто, а не эту горькую гадость. Я инстинктивно сжал в кулаках грибы. А еще бы сигарету. Ну, в старых фильмах всегда разрешали покурить перед смертью.

Я, замечтавшись, чуть не перешел границу, на которой хрумз начинал реагировать. Остановился. Страх не было. Вру. Боялся до жути. Вот пока шел, думая о вискаре, не было. А сейчас впору в туалет проситься. Кстати, почему говорят, что, когда боишься, хочется в туалет? Мне вот не хочется. Значит, я не боюсь? Поднимающийся шумок на «трибунах» вернул меня в реальность. Я начал маленькими шагами поход к смерти, сжимая во враз вспотевших ладонях грибы. Шажок. Еще один. Споткнулся об один из камней. Зверь повернул ко мне голову. После некоторого раздумья я сделал еще шаг. Хрумз развернулся ко мне. Вокруг мертвая тишина. Слышно даже, как ветер треплет шерсть хрумза. Как же страшно ее было расчесывать. А он ведь так-то неплохой зверь. Еще шаг. Он пошел в мою сторону. Стой. Стой, Леха. Ни шагу назад. Позади... Хрен его знает что позади. Главное, стой. А почему Леха? Я ведь Хромой. Или Леха?

Хрумз перешел на легкий бег, но, видя, что я не убегаю и вообще не предпринимаю никаких действий, вдруг остановился в паре метров от меня, фыркнув при этом. Я с замирающим сердцем и, по-моему, не дыша смотрел на него. Наконец вспомнил про гриб и медленно протянул раскрытую ладонь.

– Ну, давай. Не бойся, бродяга. Я сам до жути боюсь. Но ведь если не смогу посидеть на тебе – умру. Мне очень надо. Я понимаю, что нормальный зверь не должен такого допускать.

Но я очень тебя прошу. Очень. Возьми гриб.

Не знаю, что подействовало, запах гриба или чужь, которую я нес успокаивающим голосом, но он вытянул шею, принюхиваясь к тому, что лежало на моей ладони. На передачу первого гриба ушло минуты три, а может, десять или двадцать. Время понятие субъективное. Очень субъективное. Черт. Хрумз отошел.

– А у меня еще есть. Хочешь? – Я надеялся, что хрумз скопытится от такой дозы, ну или что там у него на лапах – скогтитися.

Хрумз не отреагировал. Я медленно стал подходить к нему. Зверь мусолил в пасти первый гриб. Я попытался подойти к нему сбоку, но он резко отпрянул, развернувшись ко мне мордой. В огромных глазах с рыжей радужкой был немой вопрос: ты что, очумел, сморчок? Я протянул вторую ладонь. Хрумз отвернул голову. Не хочет. Ладно. Нет так нет. Второй гриб в руке мешался. Выбросить было жалко – вдруг еще пригодится, и я не придумал ничего лучше, ввиду отсутствия карманов, как засунуть его в рот. Похоже, хрумз, хоть и отвернул морду, все-таки следил за мной, поскольку тут же резко повернулся и не моргая уставился мне в лицо, вернее, в рот.

Я вытолкнул гриб языком на ладонь и протянул ему. Зверь подошел ко мне практически вплотную. Слизнув гриб слюнявым языком, он начал смаковать его. Я, не убирая руку, осторожно провел ею по морде хрумза, заодно вытерев липкую ладонь. Так, теперь сбоку надо зайти. Еле передвигая ноги, я стал заходить справа. Медленно пальцами, словно гребнем, провел по шерсти, шкура животного упруго дернулась. Не переставая изображать расчесывание, я приблизился к предполагаемому месту своего самоубийства. Все мысли из головы вымело клокочущим адреналином. Последний раз я запрыгивал так на лошадь. В детстве. Стоя при этом на перекладине забора, так как роста не хватало. И лошадь не имела клыков и когтей. Поставив руки на спину хрумза, я мысленно перекрестился. Иллюзий не было. Запрыгнуть я, может, и успею, но скинет он меня практически сразу, а вот что будет потом...

– Только не убей меня, бродяга, – пересохшими губами прошептал я.

Оттолкнулся от земли здоровой ногой. Стараясь плавно нагружать руки своим весом, я в прыжке закинул ногу. Сел криво, скатываясь вбок. Хрумз от такой наглости слегка вздрогнул и замер на мгновение, которого мне хватило, чтобы выровняться, и которое показалось мне вечностью. Я не знал, что дальше делать, хрумз, похоже, тоже. Прыжок животного был великолепен. Я рефлекторно сжал ноги и вцепился в гриву, но при приземлении зверя с одновременным разворотом на сто восемьдесят градусов это не помогло. Я слетел с хрумза, словно мешок с картошкой. Слегка ударившись при падении, покатился кубарем по полю. Хрумз отбежал от меня. Да я в рубашке родился! Причем сегодня. Медленно встав и не выпуская из виду хрумза, я захромал к клетке. Вокруг орали орки, среди их басовитых голосов были слышны и человеческие – рабы тоже ликовали. Лучше бы они молчали, так как хрумз вновь занервничал и принялся озираться. Не бежать, только не бежать... Хотя куда уж мне, с моей-то ногой...

Ха-а-а. Я в безопасности. Орк открыл передо мной клетку и хлопнул по спине, когда я входил.

– Хромой, сволочь, ты смог! – орал Клоп, обнимая меня.

Остальные тоже что-то говорили, но я не особо вникал. Ноги вдруг стали ватными, и я присел на толстенные жерди, из которых был сделан пол клетки.

Орк пришел минут через тридцать. На «трибунах» шла ругань. Наверное, зрители пытались опротестовать ставки.

– Воин! – Видимо, это была похвала. – Чего хочешь? Свободу дать не могу. От завтрашней встречи с Карланом тоже не отказывайся. Ты хорун – это почет. Да и многие захотят посмотреть тебя в бою.

Выяснить, кто такой хорун, я не стал. А вот «не отказывайся» прозвучало обнадеживающе.

– А я могу отказаться?

– Да. – Орк многозначительно провел рукой вдоль своего живота, изображая, по всей видимости, испаривание моего.

– А биться будем завтра?

Орк кивнул.

– А что можно попросить?

– Умный, – ухмыльнулся орк, – и наглый. Женщин можешь, еду, но я бы не советовал, силу забирает. Оружие для завтрашней битвы можешь.

– Женщин и еду, всем, – обвел я рукой клетку. – Желательно тех же, что были у нас.

– Харр. – Орк засмеялся и перевел стоявшим рядом зеленомордым мои слова.

Они заулыбались. Один из них прогырчал что-то, ткнув в мою сторону пальцем.

– А еще я хочу убить светловолосого через клетку от нас.

Именно этот ублюдок тащил Иву, к тому же он не казался мне опасным противником.

Орк вновь перевел мои слова. Зеленые одобрительно зарыкали.

– Похвально, что ты не забыл воинов рядом и врага себе попросил.

Орк развернулся и пошел от нас, остальные направились за ним. Спрашивать, какое решение он принял, я не стал – похвалил, значит, не все потеряно. А если кричать вслед, могут за слабость или оскорбление принять. Кто их знает.

Поощрение было двойным. С одной стороны, мы получили то, что хотели. С другой...

С едой все нормально, а вот девчонок нам привели, когда начало смеркаться, прямо в клетку. Уж не знаю, то ли орки изуверски пошутили, то ли кормы дословно выполнили команду, а возможно, и то и другое. Услышав просьбу переместить нас на ночь в яму, Пидрот только рассмеялся.

Из тех, кто был с нами в прошлый раз, пришли только Свайла, Ива и, на удивление, Линака – та, что была с Ларком. Еще две рабыни были знакомы нам внешне, но не по именам.

– А что ж Палка и Эгна? – спросил Чустам.

– Побоялись, – одним словом разъяснила все Свайла.

– А что, мы хуже? – обиделась одна из «новых» рабынь.

– Нет, лучше, – улыбнулся бывший корм, – особенно ты. Меня Чустам зовут, а тебя Оника. Да?

Девчушка кивнула. Ее глаза лукаво и задорно сузились. Удивительно, но я раньше не видел такого задора в глазах девушки... Да что там, я вообще в этом мире не видел такого веселого взгляда. Ямочки на щеках девчонки вспыхнули от улыбки.

– А мне так больше Толикам нравится.

– Ну... – Чустам не нашел что ответить.

Новенькие засмеялись. Они были чем-то неуловимо похожи.

– Да ты не переживай, мы с сестрой не жадные – потом поменяемся, – сказала вторая, и они снова засмеялись.

Рабы в соседних клетках аж привстали, наблюдая за нами, вернее, за ними. Ладно рабы, даже орк-охранник заинтересовался царившим у нас весельем. Все было бы вообще хорошо, если бы не то светловолосое чмо, которое сидело через клетку от нас. Он, прижавшись к решетке, заорал в нашу сторону:

– Слышь, кривоногий, а я ее куда только можно имел, всяко-разно!

Я хотел встать, но меня опередил Чустам:

– Ты это, сморчок, не бахвалься. Мы видели, как ты вылизывал, потому как промеж ног у тебя, как у воробья, ничего нету! Девчонки рассказывали!

– Сядь, – резко сказал Толикам. – Вон орк идет. Сейчас и тебе и ему попадет. И девчонок уведут. Он нас специально злит, а ты ему помогаешь. Пусть слюной захлебнется.

Только Чустам сел, встала Оника. Она оголила грудь и очень эротично провела по ней ладонью, а затем ткнула пальцем в светлого и изобразила жестом мужской онанизм. В соседней с нашей клетке захохотали.

– Молодец девка, – крикнул какой-то парень. – Я только из-за тебя теперь выиграю и жить буду. Замуж за меня пойдешь?

– Ты приходи свататься, только учти, я разборчивая, за кого попало не пойду, так что выкуп готовь.

Они еще перекинулись парой шуточных фраз, и Оника села рядом с Толикамом.

– Зря, – осудил он ее.

– Ага, орков бояться – любви не видать, – ответила она и провела пальцем по его носу.

Ну, может, я озабоченный, но это было так возбуждающе...

Дикого и безрассудного секса не получилось, но, несмотря на крайне неблагоприятные условия, он был у каждого из нас. Пусть прикрытый юбками и застенчиво замаскированный равнодушием, но был. Ива была прекрасна и чудесна...

Идиллию рабских утех прервал Жирный в самый сонный час, когда даже орк где-то затерялся:

– Все выходим.

– Пидрот, но ведь до утра... – попытался возразить Чустам.

– Тихо, – цыкнул корм. – Одну можете оставить. Хромой, накинь.

Жирный швырнул мне одеяло. Рабство приучило всех не задавать лишних вопросов. Это впитывалось с первой лопаткой каши. Сказали «тихо», значит, тихо. Вместо меня осталась Свайла.

Мы с девчонками дошли до их ям, где их кормиха приняла подопечных. Меня же повели обратно.

– Пидрот, мы...

Довольно увесистый кулак перед лицом прервал мое излишнее любопытство. Остановились мы перед неказистым домом одного из низших орков. В домике даже дверей не было, лишь шкура, как в пещере. Корм подтолкнул меня в спину:

– Иди.

– Ага, щас. К оркам в дом?

– Иди. – Пидрот сгреб меня и просто забросил в проем.

Ненавижу толстых. Несмотря на рыхлые мышцы, они обладают такой силой...

В домике были Хырзамхур, наградивший меня, и самый страшный на свете орк – шаман.

– Садись. – Хырзамхур указал на коврик в углу.

Перечить я не стал. То, что зеленомордые не замыслили ничего хорошего для меня, и так было понятно. Непонятна была их перепалка, длившаяся минут десять. В смысл разговора посвятить меня никто не удосужился, а я орочьего языка не понимал. Единственное, что было ясно: я очкую, боюсь... Но самое страшное было впереди – эта магическая тварь подошла ко мне и протянула руки к голове. Я дернулся. Тут же на меня было послано какое-то не то заклятие, не то плетение, которое меня обездвижило. Дальнейшее я помнил, но так, словно это происходило не со мной. Шаман покрутил какой-то палкой вокруг головы, потом затолкал мне в горло три шарика, по виду из каких-то трав, явно скрепленных жиром. Я послушно глотал, хотя категорически не хотел этого. Дальше провал.

Очнулся я, уже подходя к своей клетке, где меня поменяли на Свайлу. Меня о чем-то спрашивали, первую половину дня я отвечал тупо – да, нет. Сознание вернулось, когда я в одиночестве сидел в дальнем углу клетки. Остальные сгрудились у решетки, выходящей на арену, где, судя по доносившимся до меня звукам, шел поединок.

– Клоп.

Тот не отреагировал, зато обернулся Ларк. Подскочив ко мне, он помог подняться. Тело предательски дрожало.

– Ты пока посиди. – Ларк усадил меня обратно. – Там мечи...

– Как будто нас спрашивать будут, – отвлекся Чустам.

Может, конечно, это психология... По какому-нибудь местному Фрейду. Но мне очень захотелось врезать корму, так как я услышал в его фразе – а не пустить ли его первым? Я был зол. Беспомощен, но зол.

Первым выгнали не меня. Первым был Толикам. Ткнув в него мечом, орк вальяжно

удалился. Раба увели. Минут через пятнадцать послышался удар в полубубен-полубарабан, используемый орками. Я подозвал Ларка и, опершись на его руку, встал. Ларк помог мне подойти к передней решетке клетки.

Толикам вышел с коротким копьём. Впрочем, оно было явно длиннее меча противника. Они долго, по крайней мере, мне так показалось, ходили по кругу. Мечник регулярно проверял Толикама. Тот реагировал на его попытки атаковать шагом назад. И вот в очередной раз Толикам вдруг шагнул в сторону и нанес удар. Попал он всего лишь по руке, но морально все было уже на его стороне. Взрыв криков орков был подхвачен и нами.

– Не торопись, голубой, не торопись, – шептал рядом со мной Чустам.

Укол, отбитый мечом, еще один... и Толикам просто бросил свое оружие в лицо сопернику. Пока мечник пытался отбить летящее в него копьё, Толикам нанес ему удар ногой в грудь. Встать тот уже не смог, поскольку Толикам, подхватив с земли копьё, пробил ему ногу, а затем методично стал колоть лежащего врага...

– Клоп, а какво это, убивать? – когда все расселись по периметру клетки, спросил я.

– Ну-у-у... не знаю. Обычно... – Раб явно был обескуражен вопросом.

– А ты чего же, ни разу?... – спросил Чустам.

– Нет.

– А чего же ножичек таскаешь?

Я даже оборачиваться не стал. Тут привели нашего голубого, и все внимание переключилось на него. Встречали мы Толикама как героя, да он и был в наших глазах героем. Я решил тоже взять копьё...

Следующими бились неизвестный мне раб и лафот. Лафот был вооружен цепью, на конце которой был камень, а его противник – длинным мечом. С одной стороны, хотелось крикнуть лафоту: придурок, возьми кистень, с другой... тот, что с мечом, не мог приблизиться к парню с раскрученной цепью. В конце концов мечник, кинувшись вперед и сосредоточившись на отбивании цепи рукой, был повержен ударом изменившего направление камня, ну и впоследствии просто забит ногами. Зрелище довольно жуткое, когда один человек убивает другого, и даже не оружием...

– Хрру! – Орк ткнул пальцем в меня.

А я ведь только и мог, что встать. На вялых ногах я вышел из клетки. Корм не из наших сунул мне в руки кружку воды. Я с жадностью выпил. Не глядя на меня, орк пошел вперед. Корм толкнул меня в спину, задавая направление. Из клетки тварей, насилувавших наших девчонок, мне что-то орали. Их лица то расплывались, то вновь становились резкими. Насколько смешны они были. Они пытались оскорбить меня! Да кто они такие?! Мрази! Черви, достойные лишь ползать у моих ног! Я гордо шел за зеленым чудовищем, расчищающим для меня дорогу от низших созданий.

Передо мной на ристалище стоял этот мелкий белесый червяк. Дальнейшее помню урывками. У меня в руках оружие рыцарей – меч, ничто другое не достойно меня. Раздается удар в орочий барабан, и я просто иду вперед. Тварь что-то кричит, пытаюсь запугать меня, но по мере моего приближения его голос становится менее уверенным. Я шагаю, пристально глядя в его мерзкие глаза лягушки. Он в смятении, хотя ничем этого не выдает. Когда нас разделяет метров пять, он кидается на меня...

Не помню. Очнулся я над трупом, у которого было вскрыто горло. Вокруг орали мерзкие

клыкастые собаки. Твари. Я направился к ближайшей, стоящей перед клетками с мерзким отребьем. Диапазон звуков за моей спиной сменился. Обернувшись, я увидел, как зеленомордые режут зеленомордых. Краем глаза я заметил, что одна из этих тварей бежит мимо меня. Наверняка хочет смочить свои клыки в крови этих низших. Я кинул в нее меч, тварь увернулась, изменив направление бега. Она замахнулась на меня своей мерзкой лапой. Думает, что сможет противиться богу...

Разум вернулся внезапно. Несколько секунд ушло на восприятие действительности и понимание происходящего. Половина лица, подправленного орочьим кулаком, горела адским пламенем. Кровь с рассеченной скулы все еще стекала по щеке. Я встал и поковылял к клеткам. Мельком брошенного взгляда на «трибуны» хватило, чтобы оценить степень заинтересованности моей персоной. Орки пластали друг друга с дикой яростью. По пути я машинально поднял брошенный меч – вот это заточка!

Дойдя до своей клетки, я напряг вялые мышцы и попытался разрубить одну из жердин. Чустам, понаблюдав за этими жалкими потугами, вырвал у меня клинок и, взмахнув им десяток раз, снес преграду. Парни, протиснувшись в образовавшийся проем, бросились бежать. Клоп, приостановившись, обернулся ко мне, и взгляд у него был как у провинившегося щенка. Я махнул рукой. Конечно, я все понимал, но все же... обидно.

Мышцы ног предательски дрожали. Прихрамывая, я вяло брел вдоль клеток, пока меня не остановила чья-то рука. Волосатый лафот жалобно произнес: «Помочь». Лафотов в клетке было двое, двое других были обычными рабами. Я, оглядевшись, подтащил толстую палку, при помощи которой мы попытались сломать их клетку. У нас ничего не получилось, и тогда я поковылял к оружейной площадке, где мне перед поединком выдали меч. Сейчас, когда разборки орочьих кланов были в разгаре, оружейная никем не охранялась. Взяв в одной из упорядоченных кучек топор, я направился обратно.

Волосатые справились гораздо быстрее, чем мои приятели, и также исчезли в темноте. Почему-то я вспомнил о хрумзе и, игнорируя тянущиеся ко мне из клеток руки, направился к загонам.

Справившись с первыми воротами, я остановился перед внутренними.

– Ну... ты тоже беги. – Я скинул петлю.

Зверь отчего-то замешкался, и за те мгновения, пока он стоял напротив меня, я принял и, самое главное, реализовал спасшее меня решение. Оттолкнувшись здоровой ногой, я прыгнул на хрумза. Толком сесть на него я не смог, просто вцепился в его шерсть.

Скорость животного была поразительной, и селение орков быстро удалялось в опускающемся на степь мраке. Вскоре мои пальцы перестали повиноваться, и я почувствовал, что скатываюсь со спины хрумза. Несколько минут я пытался подгибать колени, но в какой-то момент они коснулись земли, и шерсть зверя выскользнула из моих рук. Я мешком упал на скудный ковер степных трав.

Не знаю, куда я шел. Раза два-три за ночь я ложился отдохнуть, несмотря на мое дикое желание уйти подальше. Меня лихорадило. Понимая, что состояние далеко не нормальное, я винил во всем шамана. Злоба на него была дикая. Даже не злоба – ненависть, временами накатывающая на разум.

Утром я проснулся и, с трудом заставив себя встать, поковылял дальше. Не понимаю, как я не услышал их. Обернувшись в какой-то момент, я заметил вдалеке двух всадников, которые быстро приближались. Осознавая, что уже обнаружен, я повалился в одну из впадин – а вдруг?

Это только кажется, что степь абсолютно ровная. Нет, она имеет пусть и не явные, но довольно пологие и невысокие холмы, и этого оказалось мало...

Незнакомый говор, раздавшийся надо мной, известил, что я пойман. Я готов был умереть, но не возвращаться в рабство. Сложность была в одном – умереть просто по желанию я не мог.

– Жив?

Услышав этот голос с акцентом, я возликовал. Не орки! Не орки! Внутри уже все ликovalo. Повернул голову. Лафоты! Сволочи, как же напугали...

– Жив.

– Тавай лошад ссаду.

Усилием воли я заставил себя встать. На круп меня подсадили. Не скажу, что скачка на лошади чем-то особо отличалась от езды на хрумзе. Я постоянно съезжал вбок, и мне приходилось собирать все оставшиеся силы, чтобы не упасть и вернуться в вертикальное положение. Вцепившись в спину незнакомого мужика и борясь с накатывавшей тошнотой, я ликоваo: «Дважды! Дважды за сутки мне повезло».

Остановились мы только к вечеру. Руки мои одеревенели, пятую точку я вообще не ощущал, но самое мерзкое это тошнота. Лафот помог мне спуститься и усадил у дерева, напоминающего березу, разве что ствол был более темным.

– Ранан?

Я помотал головой:

– Нет, шаман чем-то накормил. Шарики такие темно-зеленые.

Лафоты обменялись несколькими фразами друг с другом. Через пару минут меня снова подвели к лошади.

– Может, отдохнем? – Тело протестовало против скачки.

– Нет. Тебе вода надо. Много вода. Может не смерт. Мы здесь трава не знат, помоч не помоч.

Знаете притчу о недовольном жизнью еврее, которому раввин посоветовал держать в доме козла? Так вот, в обратную сторону этот принцип тоже работает. Если тебе долгое время отбивали седалище, а потом дали отдохнуть, то снова ехать становится в два раза больнее. Очень помогала терпеть мысль о «может не смерт». Долго ли, больно ли, но мы нашли реку.

– Пей вода, потом обратно пей, потом опять пей, – инструктировал меня лафот, подводя к реке.

Мне, если честно, было не до шуток:

– Как обратно пей?

Лафот сунул три пальца в рот и наклонился. Я изначально его слова интерпретировал немного по-другому, и больной разум предполагал что-то вроде клизмы. Наверное, в моем положении она пришлась бы кстати, но не было ни возможности ее сделать, ни желания этим заниматься при зрителях, поэтому, отойдя на пару шагов от берега, я упал на колени и стал всасывать воду. Когда желудок отяжелел, я попытался выйти из воды, но, сделав несколько движений, понял, что не успеваю. Оценив направление течения, вывалил все из себя прямо в реку. Течение около берега было не очень быстрым, в смысле отсутствовало. Лафот, зайдя в воду, отогнал ногами то, что вышло из меня, и помог мне развернуться обратно к реке, сказав:

– Пей вода, много пей.

С каждым разом мне становилось все хуже. После того как меня вывернуло в пятый или шестой раз, я упал лицом в спасительную своей свежестью воду. Все остальное происходило как во сне. Меня вытащили и уложили на бок. Еще несколько раз меня рвало, пока в желудке не остался лишь желудок, извергающий тягучую желчь, или что там в нем. Земля дарила приятную прохладу голове. Через какое-то время я понял, что засыпаю.

Очнулся я на рассвете. Один из лафотов спал, вытянувшись на земле, второй сидел ко мне спиной. Я тяжело вздохнул.

– Жит? – Он с улыбкой повернулся ко мне.

– Пока да.

С трудом встав, я направился к реке, выполоскать разьедающую остатки зубов кислотную субстанцию желудка. Тот, кстати, радостно болел. Берег небольшой речушки, как и часть поляны, на которой мы остановились, была покрыта следами моего вчерашнего разгула. Я, зайдя по колено в воду – естественно, выше по течению от вчерашнего места, – вяло умылся. Тяжело дыша, доковылял обратно. Болело все. Желудок, колени, голова, руки, заднее место... За последние сутки я куда только не принимал удары жизни. Не болел, наверное, только детородный орган, но сейчас мне было не до него.

– Вода обратно не хочет? – спросил мой спаситель.

– Нет.

– Жит хорошо, – философски отметил лафот. – Ты будешь жит.

– Согласен. Чертов шаман.

– Если шаман не даст тебе... – Он не сразу смог подобрать слово. – Травы «глупый воин», ты бы смерть в бой. У нас колдун тоже дает травы «глупый воин», когда надо бой идти. Когда бой смерть. – Лафот поглядел на меня вопросительно, понял ли я.

Я кивнул. Что тут непонятного, когда идут в последний бой, все средства хороши.

– Почему глупый воин?

– Жит – да, глупый – тоже да. Если смерть, то не глупый.

Зашибись, похоже, шаман меня еще и придурком сделал. Убью тварь. Вот убегу подальше и решу как. Особо словам лафота я, правда, не поверил, возможно, у них и у орков это разные штуки, по крайней мере, умственных отклонений я не ощущал. Тут проснулся второй лафот и молча направился к реке.

– Хромой. – Я протянул руку лафоту.

– Лоикун.

Мы обменялись рукопожатием.

Вот удивительно, миры разные, а процедура знакомства почти одинакова. Единственное, здесь при пожатии смещали руку несколько ближе к запястью и большим пальцем не захватывали ладонь.

– А он?

– Оссурин.

Мы некоторое время молчали. Вернулся второй лафот.

– Спасибо, – запоздало решил я поблагодарить их.

– Ты спасат нас, мы тоже спасат, – встал Лоикун. – Надо ехать.

М-да, в дорогу они собирались не по-русски. Даже не присели. Лафоты накинули почти одновременно седла на лошадей.

– А где вы их взяли? – провел я ладонью по морде белоснежного жеребца.

– У орка, – равнодушно объяснил Лоикун.

Ну да. Чего это я? Про мечи даже спрашивать не стал, предвидя такой же развернутый ответ. Когда лафоты сели на лошадей, я растерянно посмотрел на них. Разговорчивый Лоикун

вынул ногу из кожаного стремена, приглашая меня на круп. Этого, правда, оказалось мало, и он подтянул меня, как котенка, за шкурку. Ехали мы в этот раз не до сумерек. Остановились, когда солнце перешагнуло две трети своего дневного пути. Всю дорогу мне чудился запах каши – наверное, заработал желудок. Лафоты не произнесли больше ни слова. Встали вновь у реки. Пока я растирал перенапрягшиеся после постоянного сжимания крупа ноги, мои спутники расседлали и стреножили лошадей. Оссурин при этом выглядел ненамного лучше меня. На его лице выступили мелкие капельки пота.

– Садис дерево, рука назад делай, – указал мне на местную березу Лоикун.

– Зачем?

– Каша ел – плохо будет.

Мамочка. Милая мамочка. Забери меня обратно. Тоска была такая, что слезы наворачивались. Я от шаманского зелья не отошел, а еще и ломку от орочьей стряпни переносить.

– Я не переживу, – простонал я.

Оссурин послушно сел на землю и завернул за дерево руки. Лоикун ловко стянул их уздечкой.

– Садис. – Он повторно указал мне на дерево.

Я послушно сел. После того как мои руки были связаны, я наконец понял, откуда шел тревожащий меня аромат – изо рта Лоикуну. Собственно поэтому он и выглядел лучше нас. Меня прямо затрясло от такого коварства. У него, значит, «лепешка» есть... Но разум совладал с эмоциями. Вернее, не разум, а желание стать свободным.

Лоикун, пока не стемнело, сходил к реке и принес оттуда охалку каких-то растений. Сев перед нами, он извлекал из их корней белые стержни и кормил нас ими. Вкус был горьким, и я попытался отказаться, тем более что желудок после вчерашних процедур все еще болел, но лафот убедил:

– Еш. Завтра еш не моч. Нет еш – можно не жит.

Выполнив свою миссию по кормежке, он, нарезав ветвей ивы, сел напротив нас на седло и стал их сплетать.

Ночью у меня поднялась температура, пусть и невысокая, но нудная, мешающая спать. Оба лафота дрыхли. Я попытался освободить руки – безрезультатно, Лоикун умел связывать. Сон сморил меня лишь под утро. И то не сон – полудрема, постоянно прерываемая шорохами леса. Само положение связанного вызывало чувство беспомощности.

Проснулся я от холода, когда только забрезжил рассвет. Температуры вроде не было, Лоикуну тоже. Я попытался сменить положение, чтобы хоть немного размять затекшее тело, и наткнулся на безумный взгляд Оссурина.

– Goleb stekan zaga, – угрожающе произнес лафот.

– Оссурин, ты перейди на имперский, я не понимаю.

Он в ответ зарычал. Со стороны реки появился Лоикун со сплетенной вчера корзиной, или, вернее, мордушкой, в которой трепыхалось несколько довольно увесистых рыбин. Оссурин оживился и вывалил на своего соплеменника поток слов. Я ни одного не понял, но по экспрессии речи можно было с полной уверенностью сказать, что каждое слово было матерным. Лоикун молча разрезал рыбину вдоль хребта и ловко снял с нее кожу вместе с чешуей. Потом старательно вытащил все кости, складывая кусочки мяса на лист лопухообразного растения, и принялся за вторую. Когда он закончил чистить рыбу, то, отправив несколько кусочков прямо в сыром виде себе в рот, подошел сначала к Оссурину.

Тот попытался укусить соплеменника, а рыбу, которую Лоикун засунул в него насильно, разжав его челюсти, выплюнул. Лафот вздохнул и подошел ко мне.

– Еш.

Я послушно открыл рот. Пока ел, наблюдал за лицом кормящего, его лоб был покрыт капельками пота.

– Давно каша орка ел? – спросил он меня после завтрака.

– У орков.

– Лепешка нет?

– Нет, лепешек не было.

Он отвязал мои руки.

– Может, трава «глупый воин» лечит каша орка. Будешь рыба ловит, трава из река тоже рват, лошад смотри. Оссурин не ругатса – ты кормит. Я не ругатса – меня кормит. – Лоикун сел на мое место. – Если тебе плохо – класть меч к нам на нога, мы потом свобода. Если я или Оссурин кричат – класт нам трава в рот. Тихо надо.

С первого раза связать ему руки не получилось. Пришлось мне пройти мастер-класс у связываемого. Когда дело было сделано, я, оглядевшись, поднял мордушку:

– А внутрь что класть?

– Рыба кишок ложит. Каша больше нет.

– Ты что, туда орочью кашу клал?!

– Да. Мало была. Вам ест надо. Мне ест надо. Рыба не ловит, если нет ничего.

Понятно. Я поднял камень, служащий для утяжеления и вытряхнутый вместе с рыбой, и засунул его обратно. Затем собрал всю рыбу требуху и стянул льком прутья горловины мордушки, или верши, не знаю их отличий.

К обеду Лоикун впал в забытье, а Оссурин по-прежнему был безумен. Забыл спросить у лафотов, когда это вообще проходит. А вдруг они знают? Раза три за день доставал рыболовную корзину – пуста. Последний раз я запаниковал – в ней почти не осталось приманки, решил в следующий раз достать утром. Ужасно хотелось есть. Мысли регулярно возвращались к каше, я даже осмотрел берег и поляну, где мы остановились, на предмет нечаянно выроненного Лоикунном кусочка. Походив по округе, увидел на мелководе замершую рыбину. Не каша, конечно, но сойдет. Пока выстругал острогу, рыбина исчезла. Съел пару корней камышоподобного растения, которым нас кормил Лоикун, – лишь раздражил голод. Вечером все мысли были о каше. Паника постепенно овладевала мной: а вдруг эта орочья гадость, которую я выблевал, не помогает пережить последствия кормления кашей, а лишь отсрочивает их? Но в конце концов под оркестр урчащего желудка мне удалось уснуть.

Утром Оссурин сидел с опущенной головой, а Лоикун смотрел на меня со злобой. Его пламенную речь ввиду слишком большой громкости пришлось прервать. Обтерев с рук слюни Лоикуну, которыми он обильно испачкал меня, пока я вставлял кляп, я направился к реке.

В верше что-то было, но я забыл о ней, вновь увидев рядом рыбину. Острога в этот раз была со мной. Медленно, не спеша, я приблизился к объекту охоты так, чтобы моя тень не спугнула добычу. Удар... и острога, лишь слегка коснувшись рыбины, вошла в ил, взбаламучивая воду.

– Мало того что хромой, так еще и косой... – Бубня себе под нос, я стал вытаскивать корзину.

В ней была рыбина с хищным оскалом, очень похожая на упущенную мной, и два рака! Уж не знаю, кто за кем из них тут охотился, но я, припрыгивая на здоровой ноге, поспешил к месту стоянки.

Проглотив кусочек, я принес от реки в огромном лопухе немного воды и напоил Оссурину. Потом скормил ему часть рыбины. Он хоть и вяло, но ел. Далее пришла очередь Лоикуна. Воду, опустив лицо прямо в импровизированную чашу, он выпивал всю. Трижды! А вот рыбу есть отказался. Я грешным делом даже обрадовался такому повороту и, поделив его порцию с Оссурином, с удовольствием съел перепавшую добавку. И вскоре сытость приятно растеклась по телу.

Оссурину я развязал уже перед обедом, состоявшим из мяса раков и корней камышовых растений. Помог ему дойти до кровати, сооруженной мной из ветвей и травы.

Лоикуна мы развязали лишь на следующий день.

С лафотами я провел еще два дня. За это время мы все трое если и не поправились, то немного окрепли. Они показали мне пару растений, которые были съедобны, и одну рыбину, которая, наоборот, была несъедобна. Вернее, есть можно, но, судя по их корявым объяснениям, туалет на некоторый период лучше не терять из поля зрения. Хорошо, что я не поймал такую, когда они были связаны.

На третье утро лафоты стали седлать лошадей.

– Нам ехать далеко. Ехать три на два лошади плохо, – подошел ко мне Лоикун. – Ты жит, мы ехат.

М-да. Так меня еще никто не кидал. Понятно, что я обуза... Не скажу, что был рад такому повороту событий, но и особо не расстроился. Хотя нет, расстроился, но скорее из-за того, что передвигаться мне теперь придется пешком. Все-таки транспортное средство – это вещь. Речей на прощанье мы не говорили. Просто пожали друг другу руки. Когда они уже сидели в седлах, Оссурин, отстегнув с пояса кинжал в ножнах, кинул его мне. Я поймал и кивнул в благодарность. Они тронули своих животных, которые не спеша стали углубляться в лес.

Это пришло не сразу. Лафотов не было уже примерно час, и вдруг я понял: я – один! Именно осознание этого факта принесло мне ощущение свободы. Столько лет рядом со мной все время кто-то был. Рабы, хозяйева, орки – годы я не мог остаться один. Те мгновения, когда чистил загон или ждал на ристалище орочьих выкормышей, не в счет – кто-то все равно придет. Это ощущение, когда кроме тебя вокруг только деревья да ветер, баламутящий их ветви и создающий ощущение величественности природы, не объяснить, как и не объяснить радость одиночества человеку, который никогда не испытал неволи. Сейчас здесь кроме меня был я, и только я. Только я был волен идти куда мне угодно. Посмаковав эту мысль, я задрал голову к небу и закричал:

– Я свободе-э-э-эн!

После эйфории быстро пришла мысль, что не стоило так уж громко выплескивать свои эмоции. Я не спеша, но тем не менее быстро собрал свой нехитрый скарб в виде кинжала и неудобного для переноски орудия ловли рыбы и отправился в путь, взяв несколько правее от направления, куда уехали лафоты. По дороге начал обдумывать свое положение, но через пару минут мысли снова вернулись к прекрасному ощущению независимости, и я, напевая про себя кипеловскую «Я свободен», глаза на нежную листву леса, просто шел...

Около полудня я вышел к полосе двухметрового кустарника, напоминавшего боярышник. Во всяком случае, иглы на ветках были точно как у земного растения. Ни справа, ни слева обходных путей не было видно, ну и я не стал заморачиваться и просто шагнул вперед. После того как я продрался сквозь довольно-таки колючие кусты, лес неожиданно кончился и я чуть не вышел на дорогу. Применяв метод дедукции и учитывая отсутствие в этом мире автомобилей и травы в колее, я сделал вывод, что это очень оживленная дорога. И не важно, что сейчас на ней никого нет. Постояв некоторое время под прикрытием зелени, я вернулся обратно. Найдя местечко в кустах, снял с головы вершу и присел. Как-то неудачно я отделился от реки. Прямо скажем, не подумав. Как, кстати, и не задумался о приманке, тупо оставив все рыбки внутренности на поляне. Ну да это ладно. Дорога – это разумные. А разумные – это рабство. Логика Винни Пуха подсказывала изменение маршрута.

Передохнув минуты три, я собрался уходить, когда со стороны дороги послышался равномерный глухой стук копыт. Я замер словно заяц, боясь не то что шевелиться, а дышать. Когда в редких и маленьких просветах что-то мелькнуло, я, встав на четвереньки, подполз ближе. Рассмотреть, кто ехал, я не успел, так как взгляд уперся в огромного серого пса, настороженно рассматривающего кусты, в которых я засел. Статуя! Иначе мое состояние не охарактеризовать. В голове промелькнули картинки рабства, потом еще раз, потом еще...

Пес, постояв секунд тридцать, побежал за хозяином. Пошевелился я, только когда звуки отъезжающей телеги заглохли совсем. Бежал с максимально возможной для хромого спринтера скоростью, отталкиваясь как можно дальше здоровой ногой. Мордушка, казавшаяся раньше неудобной для переноски, теперь с легкостью влезла под мышку.

Вернувшись к реке, я нашел самый, на мой взгляд, глухой угол, где почти упал на свое мягкое место. Воспоминания вновь переносили меня к дороге. При этом сердце начинало биться так, что в ушах отдавало. Решив, что больше в сторону людей ни ногой, я огляделся. Ивовые заросли, в которых я расположился, вполне совпадали с моим представлением о временном тайном убежище. По мере отступления страха начал просыпаться голод. Успокоившись, я взял плетеное орудие моего пропитания и пошел искать, где бы его установить. Вернувшись в свое убежище, прилег, и под аккомпанемент ворчащего на нерадивого хозяина желудка сон сморил меня почти сразу. Сказались усталость и нервное перенапряжение.

Утром меня ждали водные процедуры – мордушка умудрилась переместиться глубже. Как и предполагалось, она была пуста. Рыбы глупые, но, похоже, не настолько. Позавтракав камышовыми корешками, я присел на один из наклонившихся над водой стволов ивы и задумался о делах своих скорбных.

К людям, как и другим разумным, меня ни капли не тянуло, опять же... на сырой рыбе, которую еще надо поймать, и корешках, без огня и под открытым небом... Спать, кстати, в начале лета на земле, вернее, ветках то еще удовольствие. Утром начинаешь ворочаться от прохлады и сворачиваться в клубок, вспоминая воспаление легких. К тому же, по рассказам рабов, в лесах этого мира водилось довольно опасное зверье. Уже не помню, кто из рабов рассказывал, что когда-то на территории Руизанской империи была масса враждующих между собой государств, в каждом из которых были маги. Так вот эти маги были основными создателями разнообразного оружия, в том числе и биологического. Отголоски тех давних войн встречались и сейчас в виде всяких не очень приятных зверей, нацеленных на уничтожение разумных. Помнится, мне рассказывали о волках, и о кошачьем семействе, и

даже о грызунах, после укуса которых человек начинал заживо гнить. И в этой местности, собственно, бои не шли. Западнее были леса, где растения стреляли ядовитыми иглами или усыпляли своим ароматом.

Однако я отвлекся. Так вот, к людям меня не тянуло, но мысль о том, чтобы стибрить топор, скажем, или огниво (желательно не магическое, так как им я не умел пользоваться), ну а в идеале какой-нибудь завалящий лук, меня посещала. Правда... как посетила, так и ушла. По крайней мере, временно. Я не строил иллюзий и понимал, что в лесу одному выжить нереально. Нужна соль, нужны инструменты, да много чего нужно. Да и общение...

С такими грустными мыслями, но упоенный свободой, я провел два дня на берегу речушки, благо, что нашел применение своей рыболовной снасти, поставив ее на течение. Не скажу, что был сыт, но и с голоду не умер. Рыба осточертела-а-а. Заняться было нечем, и я попытался добыть огонь известными мне способами. Палочкой я чуть всю кожу от старания не содрал. Что только я с ней ни делал – и крутил, и тер о кинжал и о дерево. Нагрелась, конечно, но не загорелась. Эксперимент с выбиванием искры камнями затянулся часа на два. В основном ввиду отсутствия оных в округе. С большим трудом отыскал два гольша и временно достал камень из верши. Какая там искра! Я даже о кинжал попробовал.

Вечером второго дня, занимаясь от безделья практическим древолазаньем, то бишь покоряя вершину самой большой в моих владениях ивы, я заметил дымок костра в стороне дороги. Вряд ли это за мной, но все же не стоит забывать, что я не Робинзон Крузо и нахожусь не на необитаемом острове.

Человеческое любопытство – страшная вещь. До наступления ночи я затих, а вот когда мгла окутала лес...

Сначала было немного боязно – вдруг нарвусь на зверей, но постепенно страх отступил, зато пришло отчаяние – я, похоже, заблудился. Луна изредка выглядывала из-за туч, слегка разгоняя тьму, но легче мне от этого не становилось. Я уже начал понимать, что могу не найти дорогу обратно. Поплутав часа четыре, я, проходя мимо кажущегося зловещим в темноте дерева, зацепился за него. Кустарник тут же отомстил мне, впившись своим когтем в плечо. Боярышник! Сориентировавшись, я решил идти направо. Собственно, налево тоже можно, но почему-то казалось правильным направо.

Костер я увидел издалека. Передвигаясь очень осторожно, застывая у каждого дерева на две-три минуты, я стал приближаться. Только бы не было собак. Когда подошел довольно близко, минут пятнадцать разглядывал сидевшего у костра и клевавшего носом крепкого мужика в простой одежде. На противоположной стороне поляны, ближе к дороге стояли телега с бортами из жердин и крытый фургон. Три стреноженные лошади мерно жевали траву. Лохматых сторожей нигде видно не было. Свет костра не давал рассмотреть наверняка, но к гадалке не ходи – мужик не один, и остальные спят в фургоне. Памятуя о своем появлении в этом мире, когда я тоже вышел на костер, здороваться я не собирался. Стараясь ступать бесшумно, я стал обходить поляну, чтобы незаметно подобраться к телеге, на которой что-то темнело.

Мне мнились горы мяса, хлебов, соли, которые я смогу утащить на своих крепких плечах. Понимаю, что это нечестно, нехорошо, неправильно и унижительно, в конце концов, но жизнь в этом мире меня немного изменила. Логика оправдания – мне сейчас нужнее. Урви, если сможешь. Но эти слабые и абсолютно ничего не значащие отголоски совести были потом.

Зайдя со стороны дороги, я некоторое время выжидал. Мужик не шевелился, в фургоне

тоже было тихо. Пригнувшись, я медленно стал подходить к телеге. Ошибиться нельзя – я не самый скоростной бегун этого мира. Наконец я оказался у цели. Расстраиваться было некогда – в телеге лежала сбруя, то есть два хомута, седло и пара седельных сумок. Последние я аккуратно пододвинул к борту. Не знаю зачем, но накинул на шею какой-то кожаный ремень от упряжи. Перевесившись через край, попытался вытянуть из-под седла попону, ну или как там называется то, что кладется под седло, но не получилось. Седло сдвинулось вместе с ней, одновременно раздался деревянный стук. Я замер. Оказалось, это упал топор, который был прислонен к седлу. Выждав минуту и убедившись, что сторож по-прежнему дремлет, я дотянулся кончиками пальцев до рукояти и стал медленно придвигать топор к себе. Миллиметр, еще один, еще. Теперь уже можно взяться получше. Теперь по сантиметрику, помаленечку... Уф! В лесу было не жарко, но лицо у меня горело. Так. Теперь поднимаем сумки и не спеша назад.

А-а-а! Получилось! Я, отойдя на приличное расстояние, побежал. Не знаю зачем, но сделал пару небольших кругов – следы запутывал. Адреналин вкупе с гормоном счастья разгонял кровь, и сердце, казалось, было готово вырваться из груди. Губы сами собой временами растягивались в улыбке. Я смог! Остановился, когда уже стало светать, оттого что в боку кололо и воздух обжигал легкие. Первым делом, присев, раскрыл сумки. Соль! Да я богач! Маленький полотняный мешочек соли! Кусочки кожи, тряпка, небольшой ножичек, моток дратвы, медная монетка, шило... А с виду такие большие сумки. Огнива нет.

Но я не тот человек, чтобы расстраиваться. Я оптимист. Вечером у меня и этого не было. Сложив все обратно, я направился в сторону реки.

Найти место моего обитания было не так просто. Я минут двадцать шагал в другую сторону, потом пришлось возвращаться. Я поощрил себя подсоленной рыбой на завтрак. Даже корни водного растения, если на них уронить несколько крупинок соли, – божественная пища. Ох, чувствую, после такой диеты заведутся у меня черви в животе, как говорила мама. Мама... Как же я скучаю...

У меня появилось новое занятие – рыбалка. Отломав от одной из медных пряжек сумки «язычок», я изогнул его и заточил на камне. Даже бороздку, чтобы рыба не срывалась, на жале ножичком сделал. Конечно, не шедевр, и металл мягкий... Леску заменила дратва.

Рыбалка не задалась, прямо скажем. «Наверное, время неудачное выбрал», – успокоил я себя. Когда я засыпал, мне чудился запах дыма и жареной рыбы...

Следующий день я занимался хозяйством, косясь на ненавистную реку, – завтрак в вершу не пришел. Перво-наперво сделал «петлю» на зайца из дратвы. Зайцев, правда, я не видел в округе, но, побродив по лесу, особо не надеясь, поставил в приглянувшемся мне месте. Далее, прижав лезвие к земле, чтобы не шуметь, принялся точить или, наверное, правильное сказать, править топор. Паранойя, конечно, бояться шуметь – вряд ли здесь кто бродит, но лучше уж она, чем беспечность. Вечером я вновь, словно ниндзя, запрыгнул на иву – а вдруг? Дыма видно не было, но я его чувствовал! Оказывается, вчера была не галлюцинация. Я оценил направление ветра – запах шел из-за реки. Постарался найти источник – безрезультатно. Но тревога в сознании поселилась. Да оно и понятно – рядом кто-то разумный. Может, опасный, а может, и огниво мне подарить хочет. В любом случае надо узнать. Когда стемнело, я вновь забрался на вершину ивы. Насчет вершины я немного загнул, лес с высоты птичьего полета не видел, но после пятнадцати минут разглядывания черноты на мгновение мне показалось, что я увидел отблеск пламени на верхушке дерева.

И вновь я – ночной воин. Сняв одежду, я зашел в реку. Так как она была не слишком широкой, то, проплыв метров пять «по-чапаевски», я нащупал ногами дно, и тут что-то холодное и упругое коснулось щиколотки.

– Ох ты!

Сказать, что я выпрыгнул, значит, ничего не сказать. Я вообще не из пугливых, но кто был на водоеме ночью один, меня поймут. Когда кто-то неведомый кружит поблизости в темной массе воды... А если хватает тебя за ногу?! Уняв испуг, я быстро оделся. Первые дни лета это далеко не пляжный сезон, даже в этом мире. Вода колется. Накинув рубаху, я поднял кинжал.

Я еще в детстве замечал, как влияет на человека оружие. Только тогда я думал, что это просто ребячество. Не-э-эт. Не зря в книгах воодушевляют мечи. Вот секунду назад я был продрогшей на ветру лягушкой, а стоило мне коснуться рукояти – я рысь, я пантера, я ужас, летящий за новой партией дратвы и топоров. Разумеется, шел на разведку – кому нужны неизвестные соседи, но вдруг придется вступить в боевые действия.

Примерно определив направление, я, стараясь не шуметь, поковылял. Шел всего минут тридцать, когда заметил свет, отражающийся от листвы. Самого костра видно не было. Я смело направился туда и чуть было не опростоволосился. Поляна, вернее, закуток среди деревьев вынырнул неожиданно. Причина моей глупости была проста – костер был скрыт чем-то огораживающим его, и поэтому пламя освещало лишь ветки деревьев. Постояв минуту, я стал медленно пятиться. Отойдя в темноту подальше – присел.

Зачем они мне! Я один, и это меня вполне устраивает. Я вполне счастлив. Я никому ничего не должен. Будет, конечно, тяжело, знаю, но я выдержу. Найду какую-нибудь деревеньку, сопру лопату – выкопаю землянку и буду жить. Ну рассказывают же о детях, которые выжили в лесу! А я взрослый здоровый мужик. Почти здоровый.

А с другой стороны, как бы я поступил на их месте? Тащил бы меня с собой? Да ну! Кинул бы точно так же. Да и люди! Вместе-то все равно оно легче. Перебрав возможные варианты, я направился к кострищу.

– А я вас ищу, ищу!

Толикам, подкладывая ветки в колодец костра, подпрыгнул и теперь испуганно смотрел на меня. Из шалаша показалась голова Клопа:

– Хромой! Орк мне в дышло! Хромой! Жив, собака!

– Тише ты! – раздалось из темноты шипение Чустама, и он вышел из-за ближайшего дерева, держа в руках прутик с нанизанной через жабры рыбой. – И вправду Хромой. Выбрался? – В голосе бывшего корма хоть и сдержанно, но тоже слышалось тепло. – Молодец. Присаживайся. Голодный небось?

– Не откажусь.

Клоп выскочил ко мне и сжал своими лапищами в объятиях.

– Жив!

– Ладно вам, все вроде живы. А где криворукий?

– Сейчас придет. – Толикам тоже раскинул руки для объятия. – За дровами пошел. Мы здесь уже пару дней, поэтому весь ближайший валежник выжгли.

Минут через пятнадцать появился Ларк с охапкой веток. Казалось, что он даже не удивился, но в полумраке было видно, что его глаза расширились. Он споткнулся и чуть не упал, рассыпав все ветки.

– Ну если Ларк сделает что-то нормально... – Я встал и протянул руку.

Ларк подбежал и схватился за нее. Глаза у него в свете костра заблестели от влаги. У меня даже комок в горле встал от такой нежности. Как же все-таки я рад их видеть.

Через полчаса я ел жареную рыбу. Слегка суховатой получилась, но я ел ее словно заправский гурман – смакуя.

– Соли бы... – мечтательно произнес Чустам.

– У меня есть. Только на том берегу.

– Живем, парни! – Клоп явно был в приподнятом настроении. – Ты как выбрался-то?

– Взял меч и давай всех крошить без разбора...

Рабы, хотя нет, какие рабы – свободные люди внимательно и серьезно смотрели на меня, ожидая продолжения. Я, если честно, думал, что на этом месте засмеются.

– Затем заставил орков встать на колени, а один закричал: бери что хочешь, только не убивай.

– Тьфу ты. – Толикам встал подкинуть веток. – Как обычно.

Около костра, пусть и огороженного камнями, было тепло и уютно. Я вздохнул:

– Я думал, вы еще на «крошить» поймете.

– Так ты того светленького и взаправду чуть на куски не нарезал, – возразил Клоп.

– А, ну да... забыл. В общем, когда вы убежали, я еще лафотов освободил, а потом к хрумзу пошел. Он меня и вывез от орков. Потом лафоты подобрали...

– Заканчивай, Хромой. Не хочешь говорить – не говори. – Клоп сердито смотрел на меня.

Блин, ну прямо обидно стало – за что ж такое недоверие?

– Да я серьезно. Лафоты подобрали. Они двух лошадей у орков увели. Ну а в лесу уже помогли очухаться от орочьего зелья.

– Связывали?

– Да, только мне не от каши плохо было, а от той дряни, что шаман в меня ночью напихал. А от каши не плющило. Лафоты сказали: трава глупого воина.

– Может, зелье «дурной воин»? – переспросил Чустам.

– Они сказали: глупый. Может, и дурной, они не ахти как владеют имперским.

Корм взглянул исподлобья на меня:

– Что?

– Да так, ничего. Вряд ли это оно.

– Почему?

– Я сам не видел тех, кто принимал, но говорят, что после него либодохнут, либо безумными становятся. Это зелье магии для армии придумали. Ну а вы-то как выбрались? – сменил я тему.

Рабы некоторое время молчали. Толикам и Ларк зыркали то на Чустама, то на Клопа.

– Ты как нас освободил, – начал Клоп, – мы потихоньку смогли из деревни выбраться. Орки-то внимания на нас не обращали. Только отбежали, нам навстречу орченыш на жеребце. Я увернулся от копыт и за удила поймал...

– А я сдернул его и убил! – довольно громко закончил Чустам.

Все-таки сказывалось различие наших менталитетов. Для меня, пришельца, орки это что-то типа чужих, иных тварей, даже, можно сказать, зверей. Ну вот не отождествлял я их с людьми. А для местных они... как бы объяснить... просто другая раса. Соответственно реакция была разной. Вот вы бы как отреагировали на убийство, допустим, китайчонка у вас на глазах? Понятно, что здесь другие нравы, более жестокие, и само убийство не выходит за рамки чего-то особо необычного, но убийство детей...

– И что дальше? – Я не стал заострять внимание на данном эпизоде.

– Ну а дальше мы на его жеребце и сбежали.

– Вчетвером?

Клоп кивнул.

– Ну вы даете. И где он?

– Так издох, – продолжил Клоп. – Издох бы, если б не добили. Мы мяса нарезали – у орка меч был, да и твой... Шкуру на веревки, узду сняли и дальше пешком пошли. Когда плохо стало, оказалось, что у Ларка, – Клоп хмуро взглянул на него, – «лепешка» за пазухой была.

– Ага, – подключился Толикам, – он ее втихую жрал по дороге.

Криворукий потупил взгляд.

– Ну вот он и ждал, пока мы отойдем. А потом мы его...

– А фингал откуда? – кивнул я на Ларка.

Все улыбнулись, кроме нашего образованного.

– Толикам, когда был связан, пообещал, что ему причиндалы оторвет и есть заставит, если он его не отвяжет, – объяснил Клоп.

– Он же никогда не ругался... – опустил взгляд Ларк.

– Ну а как он Толикама отвязал, тот ему и ткнул в глаз. Только далеко уйти не успел. Ларк его догнал, палкой отоварил по затылку и снова связал. Ну а потом мы его ждали.

– Вы меня не ждали, – подал голос Ларк.

– Ну несли же, – возразил Чустам. – Мы его на ветки положили и до острова на себе тащили. А недоволен, так сильно ребра отбили. Он сполз, а мы не заметили, ну и об корни...

– До какого острова?

– До этого... – удивился корм. – Кстати, а как ты нас нашел?

– На дерево залез и отблески костра увидел.

– А остров?

Я пожал плечами:

– Просто неподалеку встал. Я даже и не знал, что это остров.

– Я говорил тебе, видно, – злобно сказал Толикаму корм, – а ты: да кто нас в такой глуши... Вон... и тот нашел.

Я промолчал, но сделал заметку о мнении Чустама касательно моих способностей.

– Уходить отсюда надо, – хмуро произнес корм.

Все молчаливо одобрили слова Чустама. Я так понимаю, главным после освобождения стал он. Этаким негласный лидер. И вот как-то не очень мне хотелось, вырвавшись из рабства, попасть под чье бы то ни было влияние.

– А ты что думаешь, Толикам? – спросил я.

Понимаю, что провоцирую, но и рабом, даже совсем чуточку, быть не хочу. Да еще и характер такой поперечный...

– А мне и здесь нравится, – ответил вместо голубого Клоп. – Соль вот только ты обещал.

Я пожал плечами. Обещал, мол, сделаю.

Чустам недобро зыркнул на меня:

– Поймают здесь.

– Кто? Орки? Да им, судя по всему, не до нас. Кстати, никто не знает, что там произошло?

– Да ясно все, власть делят, – хмыкнул Толикам.

– Что там делить-то? Былинки да степь?

– У них там свое. Власть у орков – это ведь необязательно степь, борются за влияние. Орочьи кланы – это сила. Было время, они половину локотств под себя подмяли, тогда и объединились люди.

– Перерезали бы они все друг друга.

– Не перережут. А вот война с империей, наверное, будет. Уже более десяти зим перемирие с орками держится. А с приходом нового клана во главу походом пойдут, наверное.

– Да какое ж перемирие? Вон, у Клопа спроси, орки постоянно в рабство забирают.

– Империи на мелкие стычки плевать. А вот когда начнут селеньями уводить да земли захватывать...

На полянке повисло молчание. У меня мелькнула мысль, что, может, напрасно я хотел остаться в этой местности и не поддержал решения корма. После полуночи мои глаза стали слипаться. А вот бывшие рабы даже не думали ложиться спать. Спрашивать почему я как-то стеснялся – мы же все-таки свободны и во сколько хотим... Когда сон, навеянный теплом костра, стал одолевать аж сил нет, я все-таки спросил:

– А вы спать когда ложитесь?

– Да мы днем высыпаемся, – ответил Толикам.

– Зачем?

– Ночью меньше шансов, что кто-то найдет, – пояснил Чустам.

– Я же нашел, – зевнул я. – А если днем кто придет?

Взгляды скрестились на корме. Похоже, я подрываю его авторитет, и это ему очень не нравится. Но если в рабстве нас сдерживало наказание орков, то теперь...

– Я и говорю, уходить надо, – гнул свою линию Чустам.

– Это... я, наверное, к себе пойду... – В этот момент я остро почувствовал, что одному все-таки лучше. – Я ночью сплю.

[Купить полную версию книги](#)